

КРИМИНАЛИССИМО

По мотивам двух неудавшихся рассказов

Сусанночка, нам надо объясниться,
(«Эллочка, вам надо лечиться».)
Та юбка, что вы нашли в кастрюле,
Ее принес Гриша Юле,
У них музыкальные отношения,
И Гриша сделал ей подношение.

(С натуры)

Ищущие по-быстрому обрящут искомое. Простенькое, но со вкусом. Без запаха. Как бантик у Карлсона.

Итак, к истории вопроса. Откуда суть пошли русские в Германии. Во время оно «русские на немецкой службе» звучало бы «комически»: кому они здесь нужны – с одной стороны, и чего мы там не видали – с другой. Те же, кто оставлял Россию по причине уязвленной души, знали: в Пруссии колокол проще отлить, чем издать, – и ехали дальше.

Это Российская империя была намазана для немцев медом – для коронованных особ и для их подданных. Последние селились по берегам Невы-реки, чтоб близко было друг к другу в гости ходить.

Только когда рабство пало по манию царя, русские сочли немецкие воды пригодными для питья, а игорные дома – для игры. Но это уже были новые русские, из новой России. В их числе немало деятелей культуры и искусства, вечная им память в виде беломраморных табличек на случайно уцелевших фасадах домов – ковровые бомбардировки в середине будущего столетия имели целью увековечить другое.

В 1914 году с немецкой речью в России было покончено – лучше не вспоминать, как. Немецкое правительство к русской речи отнеслось терпимей, но ненадолго – на число пассажиров в некоем пломбированном вагоне.

...Вынули вилку из штепселя и вставили снова. В следующей России по-немецки разговлялись лишь на Волге да в номерах люкс коминтер-«Националя». Пока тех и других не слили в одну колбу, не встряхнули и не вырастили в ней какую-то неведомую культуру с пометкой «без права жительства».

Русская проседь в Германии. Русский Берлин – когдатошнему немецкому Петербургу: «Себя как в зеркале я вижу...», но не продолжают цитаты, не согласны с тем, что это зеркало им льстит. Ворох газет. «Наше вам с кисточкой». Украсили шляпу помазком, обрядились в немецкое платье, а сами чешут по-русски. Количество газет сократилось до одной, ратовавшей за спасение России русскими руками, крепко сжимавшими немецкое оружие. На карикатурах в «Новом слове»: лицо – кавказской национальности, да горбоносая тень выдает. Зато родной речи

кругом стало больше, и акающей, и окающей, и на «шо», и на «щё». И все эти дивчины с хлопцами и парни с девками носили поверх сердец своих жгучее «Ост».

Смена флагов в Германии. Гнойники русской речи в Мюнхене и во Франкфурте. ЦРУ там правит бал, играет оркестр из власовцев и энтээсовцев, его выступления транслируются по радио. На родине такой успех, что сквозь аплодисменты не разобрать ни слова. Родина: кому звезда Полюнь, кому путеводная звезда. У человечества мнение на сей счет разделилось, свидетельствуя не в последнюю очередь меру склочности в человеке: скандалист не в ладах со здравым смыслом. Но среди самих отщепенцев, среди всей этой отщепленной от могучего древа публики споры лишь об одном: клетка или решетка, что их там ждет? Съездить посмотреть? Кое-кто не устоял перед искушением.

Казалось бы, пора и честь знать, наговорились в Неметчине по-русски, время вымирать. Хиреющую русскую жизнь не окропит струйка иван федорычей миллеров, которым было сказано: «Тикайте, Иваны Федоровичи Миллеры, знатно пожили на земле казахстанской. Только смотрите, тикайте тоненько, а то уретрит у нас».

«Со пля-, со пля-, со плясками» – и с песнями – рванули те, другие. С кого взяли за испуг саечку. Они с шумом воссоединялись – там, где обезьяны хавают бананы. Но некоторые решили: обезьяний питомник – это не про них, и пошли своей тропой, вопреки маршруту, проложенному двумя турфирмами-монополистами, Сохнотом и Хиасом.

То была тропинка в лесу. Сквозь деревья чернела весьма уютная страна, где за нелегальный переход границы полагался такой социал, что от одних только рассказов о нем из глубины души исторгался крик: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» В идеале: огородами до Мюнхена, оттуда самолетом в Западный Берлин – а там верблюдам пришивают вот такие яйца. Докажи, что ты верблюд, и тебе пришьют.

Другое дело, сколько верблюдов можно продеть в игольное ушко, сколько могло из них сказать: шли мы лесом, шли мы бором. За двадцать лет третьей эмиграции, да еще завернувшей в минус на время, что Сахарову был прописан Горький, русскоговорящих в Берлине прибавилось от силы тыщ на пять. И то! Люди культурные, в прошлом отдохавшие на Рижском взморье, жаловались: КГБ специально устроил утечку уголовников в Берлин по израильским визам.

Вторая эмиграция отличалась от первой, может, даже еще больше, чем третья – от первых двух, и все вместе они отличались от четвертой по одному формальному признаку: они-то бежали от Советов, они-то антикоммунисты. А эти наоборот. По логике вещей, четвертая эмиграция – идейный враг третьей. Но быть логичным – лучший способ попасть впросак. У них одно лицо: те барды – и эти, те «17 мгновений» – и эти, там добропорядочные матроны выглядели, как на шоссе работали, – и тут. Просто одни были поотчаянней и на отъезд поставили, а другие, трусоватей, взлетели, лишь когда им в ладоши хлопнули, и было этих, которых вспугнули, с миллион. И уж сколько из них обсело Германию, лежавшую по пути, – в прямом смысле немерено.

Некогда гэдээровский вождь Максимус Ленинус (был такой маленький человек, который не мог выговорить «марксизм-ленинизм»; те же «сиськи-масиськи», только по-немецки), уже идя ко дну, ухватился за соломинку: «Я тоже плачу Израилю свою немецкую виру», – и трясущейся рукой наскреб у себя в мошонке пару сотен миллионов, что было «тьфу» в сравнении с миллиардами, хлеставшими из мощны западных немцев. Тогда на тонущем кораблике принялись рубить снасти: «Германская Демократическая Республика, движимая чувством своей исторической ответственности, в свете нависшей над советским еврейством угрозы предоставляет вид на жительство всем советским евреям с их нееврейскими чадами и домочадцами».

Это был год, когда Западная Германия стояла обклеенная плакатами «Помоги России!» – аналог знаменитого «Помоги!», только вместо мужичонки в рубашке мальчонка в трухе. Очередное подтверждение того, что повторяется история не иначе как в виде фарса. Бюргеры действительно что-то слали – сердобольные, дисциплинированные и запаниковавшие: уже представились орды немьтых гуннов, сметающих на своем пути нежные погранзаставы, разрывающих зубами целлофановые упаковки в «Альди» и в «Пенни»:

– Да, скифы мы! Неандертальцы мы!

Тем не менее правительство Коля не стерпело такой обиды от хоннекероковского руководства (если на востоке *руководят*, то на западе *правят*). И вняло правительство призыву своих еврейских общин, сгоряча не сообразивших, что же они делают, кого пускают без очереди в свой закрытый распределитель.

То-то радости было! Пляшут мальчики и зайчики, пляшут девочки и белочки: «Прощайте “зайчики”, прощайте “белочки”, будем жить на немецкие марочки». На радостях аж осерчали: «Мы приехали сюда, потому что вы нас звали, а вы! Да у нас, как полицейскую фуражку видим, сразу в памяти лай немецких овчарок».

Ноев ковчег, челночивший между Германией и группой островов бывш. Советского Союза, приравняли к вьетнамскому «лодочному пиплу»: обитателям его присвоили высшее беженское звание – «контингент флюхтлингов». И на здоровычко (как говаривала жена налево гулявшего мужа). Бессовестно – в рассуждении лодочного пипла? Совесть – палка о двух концах. По части попадания впросак она даже логики впереди. Ну ее... Слышите, солдаты? А вот порядок мус зайн – на немецкой земле. Это на Руси порядка нет как нет (к счастью – русский порядок пострашней русского бунта).

Впрочем, на сей раз прославленный немецкий порядок столкнулся с разбуженной немецкой совестью. И покуда они разбирались, в земле германской осело превеликое множество совершенных зайцев: кто дезертировал из группы войск, кто – армянин, кто – вечный студент, кто – узкий специалист (тот самый долгожданный русский на немецкой службе), кто нуждается в срочной медицинской помощи, а та влюбилась, как аттический солдат, а эта купилась на газетное объявление, вот идет банкир, тащит сундук денег – ладно, так и быть, живи, еще надорвешься. И т. д.

Трудармия волгодойчей, стоявшая на смерть в степях Казахстана, в очередной раз оскорблена: «Безграничный контингент! Понаехали тут. Им-то, евреям-то, что, в Москве плохо было? Это нам полагается». Только слов подобрать не могут. А как хотелось бы это выразить словами. Но мы нёмы, мы – му. Мы настолько му, что даже электоральный надой с нас, как с козла. Мы должны быть как немцы. Но где они, как кто мы должны быть? Они не живут тут. А кто живет тут, те нам не немцы, а мы им. Зато говорим мы с нашими детьми только по-немецки, только нур дойч, отчего они всю жизнь потом будут говорить с нашим русским акцентом. Но, по крайней мере, хоть русского они знать не будут, потому что не пятая колонна.

В отличие от говорливых днепропетровцев – русскоговорливых – немец-русак немногословен. И этим уравнивает свою многочисленность: большой, да немой. «Русак» – самоназвание, неужто в глубине души тоже чувствуют себя зайцами? По праздникам «русак» лакомятся бычками в томате, режут на бумажке колбасу отдельную, к чаю ставятся на стол конфеты «Старт». Для них, обиженных судьбой, имеется сеть продмагов: «Такой “барбариски” не купишь нигде, только в родной Караганде». Даже любимую газету – название которой набрано впечатляющим тевтонским шрифтом – выпускал для них целых десять лет какой-то «вич». Анонимно. Пресса всегда была ими инфицирована.

Снова, как в двадцатые годы, ворох макулатуры кириллицей... двадцатые – да не совсем. Разноцветная. Редактора проходят в Москве инструктаж: мол, Германия

ваша, да вы наши. Вокзальные киоски забиты «Русской Германией», «Евроцентром», «Контактом» с «Земелями». Еще «КГ» («Курьер-газета»). Дальше по интересам: «Кроссвордист-плюс», «Поле чудес», «Ваше здоровье», «Женское здоровье», «Спид-инфо», «Полицейское досье»... гы-ы, «Районка»... Можно больше, просто двенадцать – округлое число.

Можно постоять, полистать со всеми на халяву – «на счет прусского короля» прозвучит уместней, в местах-то, где не халявщики мы, а социальщики – и сожалений горьких нет как нет. Вон местные социальщики: захлебываются пивным кашлем на вокзалах. А которые из контингента, те глянут раскосыми и жадными очами, что в Гондурасе, и положат обратно на стойку.

Велика тяга к печатному слову, от него глаз не отвести, особенно от объявлений. Их надо петь. Хлебом не корми, дай процитировать... (Ну на, только не обожрись, ведь начав, остановиться не можешь.)

У всех глазки блестят на брачные.

«Алексей, лев, ведет здоровый образ жизни, ищет жену».

«Веселая вдова, скорпион, ищет свое счастье».

«Растерялась в Германии, дева, ищу плечо».

Кто что ищет. «Гитерман Юру, Яну и Людмилу ищет Неля Докучаева». Найдет, не дай Бог.

Раздел «Куда пойти лечиться». Это когда берутся снять порчу, рожу, грыжу, излечить от пьянства, выслать обереги, возвратить любимых – плюс «рассматриваю все жизненные ситуации». Глядь – баба ягодка опять.

Торгует воздухом «Матрена Львовна, ясновидящая целительница в двенадцати поколениях». На фотке бабулька в платочке. На любителя.

У другой талант к стихосложению:

Оракулы откроют мне секреты,
И духи мне укажут, в чем тут суть.
Ужель терпеть других всю жизнь запреты?
Звоните мне! Я укажу вам путь!

Контактер с космосом Симон Вольф косит под инопланетянина – что называется, в дурдом и обратно. Клиентура ясна, цели определены, за работу, Симон.

Но не всяк являет товар лицом, иные предпочитают без фото. Неприметное объявлениице Виолы Вещей интригует – именно своей неприметностью. В тихом омуте, под сурдинку. Лишь два слова: «Виола Вещая» – и телефончик. Сколько указательных пальцев тыкало в циферки: биг дил, набрать. А ты не знаешь, может, пальцем чертился приворотный знак. Потом из тебя эта ведьма всю жизнь будет веревки вить.

Экспозиция фильма: сперва повитают над крышами. Голос экскурсовода: «В нашем городе столько-то домов культуры, столько-то жителей, незамужние ткачихи составляют большинство...» (А чего, про баб всегда интересней – и читать, и кино смотреть. И писать, заметим. Что мне мужики, что я – голубой? Хотя бабы о себе первые же любят читать.) «Вечер, уютно светятся окна квартир, заглянем в одну из них, например, в это окошко...» И дальше можно пересказывать содержание. Рискнем, ковырнем номерок.

– Алё.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Я по объявлению.

Надо женским голосом. Мужчины тоже случаются, но их проблемы – ты ж понимаешь: не годен ни к боевой, ни к строевой. («Большое спасибо, до свидания. А вы думаете, поможет?») За то и платят, что стесняются обращаться. А бабы, те

сраму не имут аки мертвии. (И выходит, каждый мужик на земле некрофил.) Дёвицу красит не стыдливость, а другое, оттого-то Европа на наших снегурочек заторчала. Отороченная мехом шапочка, упругая икра в сапожке, а во взоре такая-во звезда (тоненьким голосом): «Наташа».

Немцам страсть как охота вторгаться в священные наши пределы, как и нам – потом гнать их до Берлина.

- Я вас слушаю.
- А мне Виолу.
- Виола – это я.
- Добрый день.
- Добрый.
- Виола Вещая, да?

И тянет-потянет. Ну, рожай уж! Сны замучали? Сны – дешевле, малая услуга. В «Меццо», у вчерашней: двое мужей померло от рака, теперь у третьего нашли, а она: сон, который ей приснился, что означает? То и означает, что двадцать марок сэкономить хочешь. «И что ж вам снилось?» – «Что мы с ним на “скорой”, он за рулем, а навстречу мчится мотоцикл без мотоциклиста». – «Это не ваш сон». – «Как не мой, когда я его видела?» – «Вы его увидели по ошибке. Почтальон письмо в чужой ящик бросил. Кому-то важное сообщение было отправлено. Жаль, не дошло. Если знать, кому, можно было бы отворотить несчастье. А теперь что, порвать и выбросить». – «И по нему никак нельзя узнать, сколько мужу осталось? Ну, хоть примерно...» В одиннадцать вечера звонок: «Вы мне сказали, не больше семи месяцев, а я была у Матрены Львовны, целительницы сразу в двенадцати поколениях: до десяти лет минимум». – «А вы не расстраивайтесь, врет ваша Матрена Львовна. И пяти месяцев не протянет. Только не соглашайтесь на химию».

С хамками Виола не чикается, у нее лучик всегда с кулачком. Как сказал монах Рентген своей жене: я тебя насквозь вижу. Так и она своих тётек насквозь видит и еще на три метра вглубь. Звонят за одним, а спрашивают о другом. По скуперу. Да мало ли почему – привыкли предохраняться.

– Да, Виола Вещая. Какие еще будут вопросы?

– А можно спросить, вы по фамилии – Вещая? Или как артистка? Вот сейчас гостил театр кукол имени Образцова...

– Это не по теме.

– Лучше все-таки, чтобы по фамилии. А так – любая может назваться. Потом проверь, вещая на самом деле или нет.

– Идите, мама, скорей к ребенку. Что вы ребенка оставляете. Идите, пока ничего не случилось.

– Ой... – бросила трубку, полную уличным движением: гудками, голосами.

Потом звонила снова, уже не из автомата. Условились в «Пазолини», на той неделе, на этой Виола вся расписана. «Пазолини» – имя хозяина, приголубленного. На стенах старые фотографии: изготовление оливкового масла где-то в Тоскане. «Пазолини» – место с аппенинским запашком: с батареей лежачего кьянти и лесом суковых колбас – куда в обед, разыгрывая из себя сибаритов, влетают «якобы-яппи», схватить итальянский сэндвич.

Но Виола помнит, когда тут еще была булочная-кондиторай «Меццо», в которой божьи одуванчики вкушали свой послеполуденный кофий с тортом. Именно в «Меццо» херр Хиллярдсен назначил ей встречу, с той поры она сюда вбила колышек. Очень практично. Чем работать на дому, встречаешься в кафе. Что, ей черный бархат нужен? Хрустальные шары? Обкладывать камнями? Чтоб войти в ключ, нам достаточно минутной распальцовочки – мудра по-индийски. Андреевский называл это «аппликатурой». Знаменитый был энергетик – если кто не слышал. По Украине процент энергетической подпитки всегда был высок, там целыми деревнями питались лучистой энергией, особенно Винницкая область. Борис Борисович из тех

мест, так что ничего удивительного. Херр Хиллярдсен чем-то на него похож. Не внешне, конечно, – Борис Борисович смахивал на гуцула: криворотый, малорослый, мадьярские усы. А херр Хиллярдсен седой, высокий, с адмиральской выправкой. Но пучок выпускали одинаковый.

Виола тогда месяц как освободилась из лагеря – Газоридовки (располагался в Гозериде). К восьми уходила на шпрахкурсы на Небельштрассе и прямо оттуда ехала в Цоллендорф, к одной старухе-рижанке. Бабка уже делала под себя, хотя все еще говорила и писала по-немецки. Ее дочь кончила рижскую консерваторию как композитор, а у зятя был зубной праксис, сына своего они тоже послали учиться на зубного, куда-то в Венгрию или Румынию. Династия Румыновых.

Когда херр Хиллярдсен позвонил в первый раз, она только-только пришла от своей старушки – с лестницы услышала, что звонят, но не успела. Ничего, позвонил через сорок минут. В такое время все уже десятый сон видят, но он представился журналистом, мол, служба у нас такая, звиняйте, дядьку:

– Bundesnachrichtendienst¹.

По-русски он знал два слова:

– Добрый день.

– Добрый, – соглашается она, «здоровкась» под москвичку. С ее талантами только в шпиёны. Его мигом просекла, как только увидела. Значит, хотят ее пристроить к ремеслу.

Для начала сказала: прекрасно видит, какой он журналист.

– Я? – посмотреть на него – сама невинность.

– А кто еще? «Нахрихтен»... (И получилось: «Это вы взорвали танк?» – «Я...» – «Но это наш, советский танк». – «Ja, ja...»)

Херр Хиллярдсен не понял, она в шутку или всерьез, и рассмеялся:

– Не журналист, говорите?

Нет, на сто процентов и больше. Он сам знает, кто он.

– И как вы догадались?

– Обычный сенситив-сигнал при рукопожатии. Потом считала информацию.

– Боже мой, какой дар! Вы должны открыть частную практику, выступать по телевидению.

На сей раз не поняла она: это в шутку или всерьез? 1 : 1.

Херр Хиллярд... сен... (с трудом выговорила) ошибается. Энергетические способности не утилизируются. Она их лишится, если на поток поставит. В любой книжке о полярниках написано.

Пусть думает, что она работает с энергией поля – «полярница».

А вообще-то как было не понять, когда у него ухо растёт – на каждое слово, на каждый звук. Профессия. Сколько она таких ушей в своей жизни перевидала.

Но херр Хиллярдсен держал свой интерес на замке. («Кишечник на замке» – кажется, «Женское здоровье»). Так и подмывало спросить: мужик, пошто приходил? Сидеть с ним, правда, было не внапряг: больше сам говорил, и все о себе – про Латинскую Америку, как ездил туда, какие в джунглях водятся змеи. А в Украине никогда не был, нигде в Советском Союзе не был. Какая там кухня, где что едят?

Ну, в Украине, она думает, любят грузинскую...

– А в Грузии украинскую? Русские гурманы, в таком случае, должны чувствовать себя обиженными. Русские ведь тоже своей кухней гордятся.

– Каждый народ своей кухней гордится, – дипломатично сказала она. Пообещала как-нибудь пригласить его на борщ с пельменями, приглашение – то еще, на туалетной бумажке писанное, но херр Хиллярдсен поймал ее на слове. А она ведь и готовить-то не умеет. Мария она, а не Марфа. Это и Борис Борисович говорил своему Лешечке: «В тандеме Мария-Марфа она Мария, как и большинство

¹ Германская служба новостей (нем.)

евреек. На такой женишься – будешь тятать-стряпать». Да сама бы не пошла. Лешка в ящике трудился, его бы в жизни не выпустили. Песня из фильма «Разные кармы».

Накормила херра Хиллярдсена магазинными пельменями.

– Битте, с маслом, со сметаной, с кетчупом, с уксусом. Эти с картофельным вкусом, эти с мясным.

Из вежливости херр Хиллярдсен ел как из голодного края. Про борщ он уже не вспоминал. Потом еще несколько раз с ней встретился и даже повел в кукольный театр.

– Куда?

Страшно удивилась. Нет, с местным кадром взаимопонимания не достигнешь. Херр Хиллярдсен... Вроде идет кадрили, а чего ему на самом деле надо? Она уж и с одной коллегой советовалась.

– А ты ему сделай массаж «рэгги».

– А то не делала. И чакры почистила. Глухо.

Вдруг правда влюбился? Для очень многих Виола – мечта поэта. «Импозантная 48/160/88 ищет подходящего». Да только редкая птица долетит до середины Днепра. А тантрические практики с женатиками ей даром не нужны. С херром Хиллярдсеном было, конечно, приятно посидеть в «Меццо». Даже на марионеток сходить. Они ходили на спектакль по сказке английского писателя Киплинга «Рики-Тики-Тави», про зверька, который спасал людей от ядовитых змей.

А знает он, что ее тантрический знак – змея?

Он догадывался.

– Я должен буду с вами проститься. Завтра я уезжаю по делам.

– При вашей профессии это может быть опасно?

Он улыбнулся. Очень обаятельный мужчина... Хотя все это глупости: на тряпки она и сама в состоянии себе заработать, как раз за углом ее магазин – «Чудо на Ниле».

Они сели за столик на улице.

– Чай? Кофе? Капучино?

– «Валенсия».

– Мне кажется, мы успели привыкнуть друг к другу, не так ли? Во всяком случае, что касается меня...

Начинается.

– Я тоже...

– Убежден, вы задавались вопросом: чего ему от меня надо? Теперь, на прощание, когда мы уже немного знакомы и питаем друг к другу взаимную симпатию, я вам отвечу. Вы бывали у Бориса Андреевского...

Так. Еще в первую встречу сказала: не выйдет, тайные знания не предмет купли-продажи. Симон-волхв тоже хотел...

– Вы должны знать его сына Алексея. Он много лет занимался исследованиями, представляющими для нас огромный интерес. Я имею в виду опыты над змеями. Я бы очень хотел познакомиться с ним лично. Например, вы бы могли пригласить его в гости, как своего старого знакомого. Сегодня это возможно. Я знаю, многие думают, что они и мы – это одно и то же. В действительности разница огромна: они готовят яд, а мы противоядие. Вот вам моя визитная карточка. Если вы решите нам помочь, звоните.

Не глядя на счет, оставил на столике десять марок и был таков.

«Импозантная ищет подходящего». Какой мужик! Какой гадюк!

Она свела пальцы, закрыла глаза и открылась нисходящему потоку. В одном он прав: надо подумать о своем праксисе. Не ездить же всю жизнь в Цоллендорф ухаживать за растениями. Горшки с цветами – это не по ней (херру Хиллярдсену она наврала, что подрабатывает в цветочном магазине). Интересно, что в «цветочном магазине» ей сказали то же самое:

– Тебя, Виолочка, по телевизору надо показывать. На своих гениальных способностях ты могла бы сумасшедшие бабки делать.

В Цоллендорфе ее гениальность проявилась в следующем. По порядку. К мужу Сильки, Толику, чью маму Виола нянчила, заскочил на минуточку старый друг – из тех, что лучше новых двух: тоже потомственный рижанин, тоже берлинский старожил и тоже Толик. Учился с Силькой на одном курсе: она на композитора, он на скрипача.

Виола проплывала на горизонте с очередным фикусом, когда один Толик другому пожаловался, в смысле похвастался: теща стоит ему целое состояние. «Состояние...» – подумала Виола. Ей платят – смешно сказать, сколько...

– Виолочка! Ну, как дела у нашей мамы? Иди сюда, не стесняйся. Я – Толя-врач, а вот Толя-скрипач, – и спел:

Ваш любовник – скрипач, он седой и горбатый...

– Это уж как пить дать, – сказал гость сквозь зубы и поиграл желвачком. – Левое плечо отваливается.

– А как же вы играете? – спросила Виола.

– Вот так и играет. Смотри, заберу скрипку. Он играет на Силькиной и отдавать не хочет. У нее шикарная скрипка, от деда. И сумела вывезти.

– А я думала, она только музыку сочиняет.

– Она много чего делает. Сидит у меня в праксисе. И этот будет сидеть. Так и быть, трудоустрою горбатого тебя.

– Ему смешно. А я по ночам ору от боли.

– Виолочка, не полечишь его? Или горбатого могила исправит? Что – она, знаешь, дипломированный экстрасенс.

– У меня руки заняты, – сказала Виола (экстрасенс – противное слово). – Если вы подождете...

Скоро она вернулась, невозмутимая, игнорирующая насмешечки.

– Жаль, что вы без скрипки. Представьте себе, вы играете на ней... нет, что вы по-настоящему играете. Можно ж играть не вслух, а про себя, как читать. Вы должны себе это вообразить, иначе ничего не получится... Начали...

Один Толик сосредоточенно застыл, словно позировал, – только желваки ходят. Другой – как пристроившийся за спиной у художника непрошенный комментатор:

– Но когда он играет концерт Сарасате,
Ваше сердце, как птица, летит и поет...

Ну, знаешь, с таким лицом не на скрипке играть, а – сказал бы я тебе...

– Хорошо, перестали играть, – сказала Виола. – Если вы все сделаете по моему слову, то ваше плечо пройдет. Вы должны, когда играете на скрипке, вставлять затычки в нос.

– В нос?

– В нос. И через две недели все как рукой снимет.

– Лучше уж прямо в жопу, – хрюкнул Толик-врач.

– Если вы хотите, чтобы все у вас прошло, вставляйте в нос затычки, – повторила Виола.

– Знаешь, некоторые затыкают уши, когда слышат скрипку, но чтоб затыкали нос... От вони, а, Виолочка?

Становиться седым и горбатым, вместо того чтоб играть концерт Сарасате, не хочется никому. Скрипач послушался Виолы: чем черт не шутит. Уже на третий день полегло. После этого в Цоллендорфе Виолу зауважали.

– От импотенции ты тоже лечишь? Тебя, Виолочка, по телевизору надо показывать.

У Сильки было день рождение, по такому случаю слетелась стая гостей. Хунвейбин в белом фартуке сервировал стол. Виола в нарядном платье выполняла обязанности бэбиситтера. Бэби безмятежно спало наверху: аппаратик в ухе не подавал признаков жизни – предвосхищая неизбежное? Грех даже думать так, но Виола, чем впасть в детство, предпочла бы быть отравленной. Пусть с чьей-то легкой руки смерть нечаянно нагрянет – в доказательство, что от любви до ненависти один шаг.

Она подошла к скрипачу.

– Ну что, говорила же, как рукой снимет.

– Я пришлю вам билет на концерт, – сказал тот, озираясь, как заяц в трамвае.

– Спасибо, не надо.

Подумаешь! Для многих Виола очень интересная женщина.

О ее гениальных способностях присутствующие уже были наслышаны: вот какие люди за нашей мамой фикусы выносят.

– Вы исцеляете или вы ясновидящая? – любопытствовала одна особа, не открывая, однако, своих предпочтений.

Виола сложила руки под грудь, как оперная певица, и разразилась арией:

– На Тибете мудрецам без разницы, яд или противоядие. Тибетская мудрость гласит: то и это – одно и то же. Сперва научимся видеть причину зла. А кроется она во внешнем мире или в тебе самой, дело двадцатое. Если вы не можете ступить на пятку, к кому вы пойдете, к врачу или к сапожнику? Главное видеть причину. На Тибете учат этому. Акту исцеления предшествует акт прозрения.

На лице у женщины появились признаки нетерпения.

– Ну хорошо, – сказала Виола, – я вас не стану утомлять тибетской философией, – и не стала. Для вкуса положила себе зелени – с гулькину соплюшку, во избежание злорадных взглядов: «Поправляйся. И в чем только душа держится». Никогда не давай повода к злорадству. Поэтому золотое правило: в гостях ни кусочка. Пока аппаратик не закукарекает, будем чувствовать себя, как в гостях.

А нетерпеливая женщина лучше б потерпела: отошла – и вдруг как чихнет. Но ка-ак! С головы серебристый обруч свалился. Толик, конечно, тут же выступил:

– Аналогичный случай был у нас в Жмеринке. Корова пернула, и у нее рога отвалились.

Сказано в «Упанишадах»:

Нетерпеливый теряет половину жизни.

Один мужчина, средних лет, тоже хотел поговорить с ней, его интересует использование ясновидения при раскрытии преступлений. Недавно об этом была передача. Что она думает, насколько это возможно?

Правда, с первой попытки спросить не получилось: «Хо хы хухаехе...» – он извинился – жестом. С набитым ртом не поговоришь. Затолкал себе все в глотку и стал на это напоздать, как удав, судорожно махая руками: сейчас... сейчас...

– Джаппа-йога учит: прежде, чем сделать одно глотательное движение, надо сделать тридцать жевательных. Интересуетесь, работают ли ясновидящие в полиции? В киевском КГБ их был целый отдел. А здесь только служебные собаки. Здесь прививают любовь к животным. Ясновидящих надо ввозить из Винницкой области.

– А вы сами откуда?

– Оттуда. А что?

– Просто так. Вы ведь сами экстрасенс, верно? Если я вам задам какую-нибудь загадку, сможете ее разгадать?

- Что значит «какую-нибудь»? Вы еще не определились с вопросом?
- Сейчас... погодите...
- Какой вы умный, вы не знаете, о чем хотите меня спросить, а я уже должна знать, смогу ли вам ответить. Симон Вольф, тот знает ответ на несуществующий вопрос, а я, извините, не такая.
- Она ждет трамвая, ты еще не понял? – муж именинницы тут как тут, в своем репертуаре. Остальные тоже подтянулись из любопытства – кроме тех, кто, начав есть, был не в силах остановиться.
- Можно мне спаасить? – а это голос подростоающей смены в лице сына Даника. «Пиимчался из Бухаеста»... или из Будапешта, откуда-то оттуда. Для выросшего в Берлине по-русски говорил «паактически свободно». Не то, что встречаешь на шпрахкурсах: свой забыл, чужой не выучил. Парень чешет по-русски – как вчера из Киева. Ну, немножко в нос, подумаешь. Заслуга родителей: немецкого не знают.
- Что вы скажете, – спрашивает Даник, – мужчина застрелил женщину, суд квалифицировал как предумышленное убийство. И оправдал.
- Только открыла рот, но ответы уже посыпались со всех сторон, как из рога изобилия:
 - Она была надзирательницей в концлагере, где погибла его семья.
 - Судья был подкуплен.
 - Собиралась плеснуть ему в лицо серной кислотой.
 - Да нет же, был такой фильм: он убил свою жену...
 - Я тоже видела: он застрелил ее после того, как отсидел в тюрьме двадцать лет за ее убийство...
 - В Англии по закону нельзя дважды получить срок за одно и то же.
- О Виоле забыли, как в завязавшейся потасовке забывают о ее зачинщике, который тем временем беспрепятственно покидает поле битвы: Виолой был принят сигнал от космического «ушельца» – пославший ее к рижской бабушке наверх.
- Прежде, чем снова спуститься, задержалась перед зеркалом: «Гм... кто эта интересная блондинка?» Скорректировала локон, взбляла кружевную вставку.
- Страшен был соблазн, открывшийся ей в темноте. Язычки пламени сладострастно трепетали. Число их было велико, но до числа зверя еще далеко. Перед чем угодно можно устоять: перед паштетом, перед салатом... С пирожками тяжелей: тесто – это уже тело родины. Но ради себя и родину предают. А вот сладенькое – это смерть моя, это я сам. В авестийских гимнах поется:

Лишь тот достоин влиться в Универсум,
Кто каждый день идет на бой с собой.

Победить сумеет проглотивший себя. Способность к самопожиранию выдает змею, а ее тантрический знак – какой? Может, все-таки скушать маленький кусочек? В борениях с собой никогда не знаешь, за кого болеть.

Вспыхнул свет, и грянули вразнойбой: кто покультурней, пел «Хэппи бердсдэй», остальные – «Как на Сильвы именины испекли мы каравай...» Силька дула на свои годы, свечей хватало. Потом вкативший торт рикша щедрою рукою вырезал ей сегмент: «Вот такой ширины, вот такой вышины». Силька уписывала его десертной вилочкой.

- Что наша мама? – по голосу было слышно, что ей вкусно.
- Сменила нашей маме пеленку.
- Обобществление мам, согласно Энгельсу, есть высший этап в развитии материнства, которое после этого отомрет.
- Попробуй торт, во рту тает.
- Виола уже потянулась к таявшей на глазах горке чистых тарелочек, но тот мужчина, которому рекомендовалось тридцать раз прожевать, один раз проглотить, а

не наоборот, который еще спрашивал, привлекаются ли ведьмы на полицейскую службу, опять пристал:

– А что, вы думаете, случилось с Ельциным?

Он ищет, куда бы поставить тарелочку со следами крема. Что такое счастье? Счастье – это когда твой рост 170, вес 54, а рядом огромный торт, и в руках у тебя тарелочка с десертной вилочкой.

– А что с ним случилось?

– Это я у вас спрашиваю. Паранормальное объяснение этому есть?

Вот дурной, чему – этому? Кончилось тем, что Виоле дали статью под заголовком «Купанье красного коня» – еженедельник «Полицейское досье» № 39. О том, как с одним из «братьев Грахов» перестройки, Б. Ельциным, происходит ужасная история – опять же неясно, происходит ли. Он с букетом едет в гости к неназванному знакомому в зело охраняемый дачный поселок (не сказано куда – на Кудыкину Гору). Возле поста ГАИ Ельцин отпускает машину и дальше идет пешком. До КПП идти метров пятьсот. Там он появляется промокший до нитки, говорит, что на него напали. С мешком на голове он был увезен и затем сброшен с мостков в реку. Однако выплыл и сам пришел на Кудыкину Гору. Вскоре за Ельциным приезжают жена и дочь – и еще некто неназванный, прибывший десятью минутами раньше (подробность к делу не относящаяся, больше для понта). Того, к кому Ельцин шел, на даче не оказалось, как было сказано, «товарищи, жившие там, легли два дня назад в больницу». В дальнейшем Ельцин отказывается признать факт покушения и подать жалобу. Министр-силовик – фамилия не запомнилась, вроде как «Макакин» – обещает не поднимать шума. Тем не менее расследование производит и по требованию Горбачева о результатах сообщает на проходящей сессии Обезьянней Великой Палаты (бурные продолжительные аплодисменты, все встают). По Макакину, Ельцин все наврал: шофер довез его до самой дачи, на КПП это подтверждают: они машину пропустили; с моста в речку с мешком на голове человека сбросить можно, но в этом случае даже граф Монте-Кристо не выплыл бы – куда уж первому секретарю Свердловского обкома партии: берег крутой, высота мостика больше четырех метров, а воды по колено. Цель вранья очевидна: снискать популярность в народе. В ответ на это Ельцин твердит свое: нападения на него не было, а то, что было – его частное дело, Макакин свое обещание нарушил, против него, Ельцина, ведется кампания, во главе которой стоит сам Горбачев.

– Что думаете?

Что она думает? Что гости слишком широко пользуются своим правом на счастье. Сколько этот фраер шматов торта умял? Сколько их уже перебывало у него на блюдечке? Но подключенный к Универсуму никогда не скажет: «Обождите, дайте тортика себе положу, не достанется же». Лишь тот достоин подключений, кто каждый день идет на бой со своими слабостями.

– Этому существует какое-нибудь паранормальное объяснение?

Терпи, казак, а то мамой будешь, «нашей мамой».

– Паранормальное? А почему нормального не хотите?

Села, глаза закрыты, пальцы в «мудре», а кругом голоса – объекты наружного считывания. Всегда помнить: информация – уголь, сознание – топка. Можно напевать, тихонько, чтоб никто не слышал: «Наш паровоз, вперед лети... Чук-чук-чук-чук! Гек... Чук-чук-чук-чук! Гек... Информация – уголь, сознание – топка... Информация – уголь, сознание – топка... Ту-тууу!» Под шепот соседей по купе, боящихся вспугнуть ее вещей сон:

– Такой мужик, как Ельцин, не стал бы комедию ломать...

– Шофер скажет что ему велят. Конечно, пошел пешком.

Женский голос:

– А зачем ему пешком-то было?

- А он теперь всюду пешком ходит...
 - Угу, последние сто метров.
 - Да нет, оно и ежу понятно: что-то там было.
 - Он первый темнит.
 - Чего-то боится, воды в рот набрал.
 - Наберешь – в речке.
 - Раз те пошли на огласку, значит, понимают: рубашку он на себе не рванет.
- «Ах зо²? Ну держитесь, сволочи!» Пуговицы нынче дороги.
- Индийские мудрецы учат: нельзя выйти из реки, в которую не входил.
- Тут Виола вышла из транса.
- Дело было так...

А торта еще осталось на целую роту... Есть мысли, в которых никому не признаешься. И поступки есть, в которых никому не признаешься. Боженьки, какое счастье, что чужая душа – потемки.

– Значит: что за такая правда, когда против своего интереса все отрицаешь, только б чего не выплыло?

Один хихикнул-с. Но не над нею. Наверное, представил себе купанье красного коня, которому воды по голенище.

– Эта такая правда, которой *стыдно*. Катаешься по полу – как зеленых яблок объелся. Может, и чепуха, а не сознаешься. Жги меня, режь меня – не скажу. Второклассник толкнет тебя, маленькую, не сильно, но обидно исподтишка – так ты уже в отместку готова шлепнуться со второго этажа, только бы напугать его, только б перетрусил. Это в больнице больных навещают с цветами, а в гости приходят с бутылкой. Он нечаянно перепутал. А за нечаянно – чего бывает? С важным государственным лицом обошлись, как с Буратино: мешок на голову, довели до моста: «В следующий раз, – говорят, – головой вниз сбросим». И уехали. И тогда он сам полез в реку. С моста, конечно, не прыгал. Но в воду полез. Со всем по-детски. Обиде все возрасты покорны. Он никогда не сознается в этом. Придумает сам себе оправдание: нужны были следы, ему нанесли оскорбление действием, а следов никаких. Он им покажет! Мало явиться на КПП и сказать: «На меня напали, мне угрожали» – не впечатлит. А когда весь мокрый... Но тут выясняется: не сообразил, слишком мелко, чтоб с моста вниз головой.

– Выходит, не Горбачев?

– И не мечтайте. Наоборот. Все хотели замаять: мы погорячились, но и ты хорош. Победила дружба, гут? Ельцин: гут, не надо мне разбирательства. И помирились бы. Пришел бы он с букетом водки. Кто без греха. Ельцин мужчина видный. А Горбачев: нет, разбирательство. Он-то без греха. На что ему чужая ничья, когда у него все козыри, он с них и зайдет. Тогда Ельцин: «Горбачев возглавляет кампанию клеветы против меня». Гласности захотел – получай. Теперь, чего со мной ни случится, ты в ответе за все.

Бурные аплодисменты. Кто-то начал, и все подхватили. Как если б Виола исполнила концерт Сарасате. Толик-скрипач, чуть не ставший горбатым, тоже кричал «браво-бис». А ведь застыдился ее – еще какой-то жалкий час назад. Когда человек жалок, то и все у него жалкое. Случай убедиться в этом скоро представился. Однажды по русскому радио слышит: наш гость, скрипач Анатолий Фидлер, выступает и там, и там, вчера давал концерт в культурном центре «Унзер Фрейлахс», а на той неделе его можно будет послушать в альтерсхайме³ в Потсдаме. Нарасхват.

Ведущая:

– А у вас есть хобби?

² Ах так? (нем.)

³ Дом престарелых (нем.)

– Люблю решать шахматные задачи, разные головоломки.

– Ой, как интересно... Ну, например?

– Бэрчик, дай примерчик, да? Помните, недавно Ельцина искупали. Он утверждал, что его с моста в речку скинули, а там воды, как в луже. – И дальше слово в слово пересказал Виолу, только о ней самой – ни гу-гу. А она днями начала практиковать. Реклама.

– Ой, как интересно... Не хотите об этом написать?

– Подумаю. Знаете, что говорил маркиз де Кюстин: я мало видел, но о многом догадался.

Виола открыла свой праксис без помощи посредников, безо всяких бюро, напрямую через газеты. Лишь два слова: «Виола Вещая». Еще не было восьми, когда позвонили. Первый пациент снился потом много ночей – как гвардии снайперу Нине Ропше ее первый фашист.

Запинающаяся мужская скороговорка:

– Я по объявлению. Фрау Вещая?

– Виола Вещая, да.

– Наш сын исчез. Только скажите сразу, можете помочь? Потому что тогда...

(В сторону: – Да погоди ты, сам знаю...) Тогда мы...

– *Я смогу найти.* Но это зависит от вас.

– Мы согласны на любую сумму...

– Вы, папаша, не поняли. Я не о том. Вы должны стараться, очень стараться. Делать все по моему слову. Дышать, как я скажу. И обязательно всем сердцем верить, что я помогу.

– Да...

– Сделали сильный ноздревой вдох и выдох, ноздри каменные... и ваша жена тоже пусть делает.

(– Слышишь, делай, как я...)

– Выдохнули? Теперь не дышать. Раз, два, три... – досчитала до двадцати пяти. – Можно дышать. Снова, – так несколько минут упражнялись в цигуне. Наконец поставила им дыхалку. – Откуда вы звоните? Отвечайте медленно, помните, только я могу вам помочь. Сперва медленно повторите про себя мой вопрос. Повторили? Отвечайте.

– Мы прямо с автобана в полицию...

– Стоп. Вы были в полиции, так?

– Да.

– Вы сказали, что потерялся сын?

– Да.

– Те сказали, что объявят в розыск?

– Да, но...

– Что – но...

– Такого не бывает, сказали. И смотрели на нас...

– Молчим, дышим... так. Вы вышли из полиции и сразу купили «Курьер-газету»?

– Да.

– У Матрены Львовны автоответчик: звонить с десяти...

– Да.

– Позвонили ко мне...

– Да.

– А у вас фотография сына есть при себе?

– На его аусвайсе.

– Подходите. Вы с машиной? Едете на Ротхауз-Штирлиц. Ставите ее в подземный гараж. И когда выйдете, то идете налево по той же стороне. На углу, не переходя, большими буквами: «Меццо». Там увидите за столиком интересную блондинку, всю в черном, спиной к двери. Это буду я, Виола Вещая.

Со спины, положим, не сразу определишь, интересная ли.

Когда на стене зеркало, то сидеть лицом к стене – одно удовольствие. Себя видишь. Плюс в зал глядишь. Плюс пациента своего замечаешь раньше, чем он тебя (привет от Нины Ропши). Плюс стул его будет стоять против света. Столько плюсов. А минусов ни одного. Это другие пялятся на дверь, как сторожевые псы.

Уже пришли? Ну и скорость у папика. Здешние. Возвращались из другого города. Типичные на смерть перепуганные папик и мамик. Глаза стоят, моторика сползла, все методом тыка. В таком виде только за руль.

Пока ее отыскивали, успела десять раз их считать. Устроены, он на фирме. Москва компьютерная. Что не Киев и не Харьков ясно, а для Ленинграда... Уж больно сухопутны. Сыну ее не меньше двенадцати – взгляд по полу уже не волочится.

Когда подошли, неуверенно, Виола первая сказала, не поворачиваясь:

– Подсаживайтесь.

Может, у кого-то и нет глаз на затылке, но только не у нее.

– Чай? Кофе? Капучино? «Валенсия»?

– Воды.

– И мне.

– Вам лучше «Валенсию», мамаша. А вам, мужчина, рекомендуется воду без газа. Газ поглощает энергию.

Нет, Виола совсем не волновалась. Дебют – парад небитых. В первый раз не страшно, в первый раз энергонапорный столб – как от виагры. Гиперэнергетизм у начинающих чудовищный. Чук-чук-чук-чук... Гек! Чук-чук-чук-чук... Гек! Ту-туу! Сей-час зазвенят стаканы на столике – как в вагоне. А под столом распальцовочка.

– А зовут Антон? – сверялась с аусвайсом. Московское месторождение. Тринадцать лет козявке. Вон насупился. Но под пальцами тепло, когда прикоснулась к фотографии. Отлегло. Хотя им ничего не сказала. Еще бы полицейским было не подозрительно. Ребенок исчезает, как в кабинке у Кио. От иностранцев можно всего ждать. Объясняют полицейским, что ночью ехали, потому что заторов нет, а утром можно отоспаться: каникулы. Полицейские не понимают: «Ну и что, что каникулы?» Снова объясняют им русским языком: можно отоспаться. «Ну хорошо, – все равно им подозрительно. – Восстанавливаем картину. Если неверно, поправьте». Значит, ему срочно понадобилось по нужде. Остановились. Бывает. Сами пиво пьем. Вышел он из машины. Возвращается. Едут дальше. Уже пошли съезды. Думают, Антон сзади спит. Когда в город въехали, то смотрят – Антона нет! В последний раз разговаривала с ним она. В отсутствие мужа. «И вы убеждены, что мальчик не выходил из машины?» Совершенно убеждена. Он всегда дверцей хлопает, как из пушки. Ему за это вечно влетает. А тут хлопнуло только раз, когда муж садился. А до того они все время разговаривали. Муж сел, и сразу поехали.

Составили протокол. Будут держать их в курсе. Ауф видерзеен.

Виола открыла глаза.

– А о чем вы с ним тогда среди ночи говорили, ругали? Честно. На своих всегда спускают полкана.

Молчание.

– Да... за что-то поругала.

– За что?

– За все. Что безголовый, что ключ чуть не потерял, что все забывает...

– А в предпоследний раз когда вы останавливались?

Он:

– Когда заправлялся. На бензоколонке.

– Тогда мне надо было в туалет, – добавила она.

– А Антон чего делал?

– Ничего, спал.

– Точно не выходил? Хорошо. Я не сказала сразу: фотография живая. Если он снова ключи не потерял, то он дома.

Это только в кино звонят из кафетериев, а в жизни беги в автомат и звони – что оба и делают. Теперь главное, чтоб телефон работал. И чтоб кто другой не пустил корни в будке. В Германии в стекло не постучишь двушкой. Пока все патроны не израсходуется, не кончит. А что прыгаешь на одной ножке – ему, нахалу, плевать.

Сняла энергоблок и повторно по всему прошлась, уже разблокировавшись. На бензоколонке в уборную не сходил – спал. Съехали с автобана. Решил сходить в последний момент, когда отец уже садился.

Подстава в том, что дверцы хлопнули одновременно. «Число черных и белых совпадений неодинаково, об этом позаботились демоны. Поэтому мудрый не надеется на случай, но всегда связывает с ним свои опасения». (В классической эзотерике Виола подкована.)

Папик с мамиком уехали, Антона бросили за дурость – так выглядело: сперва высыпали по первое число, а потом бросили. Дети покорны вихревой карме. Он терпеливо ждет. Поняв, что за него взялись всерьез, ловит попутку. Картина неслабая: на обочине кольца Сатурна детская фигурка, машущая руками. Сбоку уже небо сизое, в буренках. Все дороги ведут в Берлин. На пролетающих на рассвете фарах печать бессонной ночи.

Упс! Первый же шофер, при виде украденной у Мунка картины, переходит на полосу безопасности и катит малиновыми огнями вперед: нашлась! Зареванного Антона грузят в машину, на которой написано «УПС» (United Purcel Services), и с доставкой на дом.

Почему не в полицию? Может, когда проезжали мимо дома, сами собой зазвенели в кармане ключи. А может, богу Пуруше не угодно было, чтобы чудо обретения ребенка обошлось без участия Виолы.

Коррекция на суперпроигрыш: два роковых совпадения подряд, к дуплету дверец подключается маньяк-педофил за рулем? Сомнительно. К тому ж от фотографии идет тепло.

Из окна, часть которого отражается в зеркале, видна телефонная будка. Если б можно было еще разглядеть губы: шевелятся ли? Похоже, что ждет... Нет! Уже говорит что-то в трубку, это заметно по ней, по нему, он выхватывает у нее трубку.

Пожурила супругов:

– Жарили картошку, припекли Антошку? – и ничего с них не взяла, только за воду и за «Валенсию». Тут женщина как кинется целовать ей руки.

Резонанс сильнейший, телефон заливался от счастья, что есть кто-то, кто находит без вести пропавших, ставит на ноги больных, укладывает в постель здоровых. Как раз в то время какой-то Слава влиял на сексуальную чакру сразу восьми женщин. Пришлось поработать с разными энергиями. Когда через несколько лет смотрела фильм «Восемь женщин», то вычислила убийцу без всякой мудры. Раскрывать убийство одно удовольствие. Первое условие – не искать мотив. Об этом давно писалось – надо знать, что читать. Виола читает каждый день пятнадцать минут по утрянке. Но всем и каждому не докладывает, как одна ее коллега. «Что слышно?» – спрашиваешь. «Мать!.. Получила удар от классика! – и зачитывает:

У преступления не бывает мотива, в крайнем случае мотив служит лишь предлогом, но не каждый преступник настолько благовоспитан, чтобы утруждать себя его приисканием. Логичнее предположить, что зло обусловлено самой природою своей, оно беспричинно и творит само себя. Иначе позволительно спросить: чем мотивирована добродетель?

– Какой улет, а? Новое слово...»

Новое слово – когда еще мы это проходили... Может, у Стендаля этого и не читала, так читала другое. Не такая уж она его любительница. Она активно читает «Так говорил Дао». «Земели» публикуют его в извлечениях. Великая вещь – китайский энергетический зонтик.

Как строится у Виолы трудовой день? Сразу по пробуждении телесном пятнадцатиминутная подзарядка: читка газет или другой эзотерики. («В Турции перевернулся автобус с российскими туристами. Тридцать пять человек ранено, жертв нет».) Затем дыхательные упражнения. Лешка когда-то хохмил: «Упражнялась в цигуне, оказалась вся в говне». Затем выведение шлаков, общее омовение, чай с пятью ложечками телефона.

– Алё... Вещая... Одно око? Не поняла юмора... Ах одинокий – одно око... Да, это можно... Это тоже неплохо... Да... Да... Все, привет горячий.

– Алё... Что? После семидесяти неинтересно жить? Мужчины не обращают на тебя внимания? Тюбик горчицы на тюбик брендгеля, от ожогов который. Намазать локти, немножко будет кусаться, потерпеть, и все пройдет зимой холодной... Ах, пять дней не было стула? Поздравляю, сосредоточенность на стуле – секс пожилых... Не за что.

Но бывает, звонят поглумиться:

– Это вещая каурка?

Никогда в таких случаях не бросай трубку. Говоришь ему – с чувством, с толком, с расстановкой:

– Я ж тебя знаю на клеточном уровне. Набрал мой номер, ты начертил знак Мельхиора. Теперь твой палец у меня в черной дыре. Тебе надо очиститься. А то начнет гнить палец. Вопрошай трижды за мной: «Ищово ыткурф?»

Не припомнит такого, чтобы тут же не ломались. Повторяют, как попики: «Ищово ыткурф». Правда, один, когда она сказала, что палец загниет, наслал на нее три буквы. На другой день звонит: под ногтем уже нарыв, все что угодно, только сними заклятье. Сняла. Будет всем рассказывать. Не мудрено, что народ боится.

Раз по ошибке нажала не ту кнопку, вот и вышло, что хрен с ней, с Новой Зеландией, – ничего больше по телевизору не найти, все каналы перепутались, сексуальная программа в обмен на продовольственную. Один ее постоянный пациент дал телефон какого-то телевизионщика. Тот наладил за три минуты, но, уходя, прихватил лежавшие на телевизоре часики. Кроме него больше некому было: чужие здесь не бывают, дёма она не практикует – зачем энергетические отходы хранить там, где спишь? Пожаловалась своему пациенту – его знакомому. Он звонит тому: ты что, подогретый? Да знаешь, кто это? Она у мертвяка алаплан брала из пятки на пересадку органов. Она ж найдет на тебя фиг знает чего. И так напугал, что парень подкинул часики в почтовый ящик.

Некоторые, прежде чем заняться с нею, испытывают ее на крутизну. Кто чужой сон расскажет – недавно приходила такая, слуга двух мужей, теперь третьего в гроб вгоняет. Мотоцикл без мотоциклиста ехал, видите ли, приснилось ей. Или положат перед ней фотографию умершего: ушел к курносенькой, можно ли вернуть?

На самом деле работа очень нервная. Ты, как пионерка, всегда на стреме. Они, обычно, сами подставляются, по скуперу. Спрашиваешь: «Считать как за малую услугу?» – «Да». Если потом в претензии, всегда можно сказать: «Вы мне сколько заплатили? И хотите как за пучок энергии? А почему пучок, знаете? Я ведь цены не сама проставляю. Открылось настолько, насколько заплатили». Затыкаются. Либо исчезают навсегда, либо – навеки твой.

Эта, что спрашивает: «Вы Вещая по паспорту или по роли?» – свое схлопотала. «Гостит театр имени Образцова». Культурная. В «Пазолини» явится тише воды, ниже травы. Вместо столиков там сидят за подоконником, лицом на улицу. Как

баре – в баре. Есть несколько столиков на стойку, за ними что-то проглатывают и убегают. У стены такие, вроде лож, с мягкими диванчиками. Подсветка хуже, чем в старом «Меццо», а сиденья лучше – специально для тех, кто ведет сидячий образ жизни: шишек себе не набьешь где не следует (Виола уже набила).

Встреча с той особой вышла, прямо скажем, – роман с продолжением. Пришла: кожаная мини с футбольный мяч, одиннадцатиметровый бюст, помада «поцелуй вампира». (В смысле команда: «Поцелуй вампира» – и поцелует.) Как на работу вырядилась.

Взглядом по периметру вжик.

– Здравствуйте... Тамара.

– Очень приятно, подсаживайтесь. Чай, кофе, капучино, «Валенсию»?

– Без разницы. У меня вот что: я боюсь, что убью своего мужа.

Ничему не удивляемся. «Мудрый пребывает в состоянии покоя, чтобы посрамить демонов».

– Вам это снится?

– Я своих снов не выдаю.

– Что, такая свалка?

– Не знаю. Просто устаю и ничего не помню.

Ночная колючка: и хочется, и колется.

– А от чего так устаете?

– По мне не видно, отчего?

Еще бы! Передача «В рабочий полдень».

– Видно. А зачем же делать так, чтоб видно было. Я не клиент. Чего тебе надо? По-честному. Боишься, что мужа убьешь?

Да, боится. И рассказала историю. Они сами из Приднестровья. (Допустим.) Приехали и подали на азиюль⁴. Когда соседям азербайджанцам отказали – политикам, они тоже перешли на нелегал. Живут с того, что муж ее вывозит. По советским правам купил вроде «Газели», но постоянного места у нее нет, Фигаро здесь, Фигаро там. Иначе такой калым заплатишь, что лучше обратно на Калининградское шоссе. Работа в принципе интересная, с людьми, но у нее муж все до последнего пфеннига себе забирает, как будто она ему рабыня. С ее характером она за себя не ручается.

– А ребенок чей, его?

Пошла пятнами от шеи – у кого на шее крестик, у кого на шее «додик», а у нее ключик – золотой.

– Что ты так пугаешься? Пугайся в полиции.

– Я?.. А откуда вы про Ритку знаете?

– Еще не хватало, чтобы я – не знала. Вон ключик от сердца, открывай и бери.

Та – ладони к груди. А Виола продолжала:

– «Из Приднестровья». Я ж азиюль не даю, чего на меня пудру изводить? Тамара – по паспорту или по Калининградскому шоссе?

Прокололась.

Как сиганет из кафе, чуть не сбила с ног юношу с жемчужной серьгой и с двумя чашечками – направлявшегося к стойке-подоконнику, где в ожидании друга чах его двойник. В «Пазолини» обходимся без официанток. «Сделай сам». Вот они сами и делают.

Виола не обязана была объяснять этой санитарке-звать Тамаркой: хочешь, чтобы твое чадо осталось за кадром, чаще вспоминай кукольный театр. Говорим «кукольный театр», подразумеваем «ребенок» (как с «Лениным», когда говоришь одно, подразумеваешь другое).

⁴ Убежище для преследуемых на родине иностранцев (искаж. нем.)

Боженьки, даже сумку оставила. Нема дурных: откроешь, а там малафец. Таких примеров хоть отбавляй. Анна Герман. Поднесли же ей в Сочах корзину с цветами, а на карточке имя и фамилия наоборот: Герман Анна. Вот Герман Анну и убил. Если ты женщина, а фамильная рака мужская, нельзя чтоб фамилия писалась впереди имени: Михайлова Татьяна, Ахматова Анна. Это нехорошо для гинекологии. Кто с такими фамилиями, должен беречься перестановки мест слагаемых.

И когда находишь сумочку или кошелек, надо беречься. Сразу не открывать. Райка рассказывает, что у них в Израилевке бумажник с земли ни одна собака не поднимет, тут же вызывают сапера.

А Виола сама себе сапер. Сделав вид, что у нее ноги устали, вытянула их на диванчике, выпрямила спину, руки на коленях ладонями вверх, локти прижаты к бедрам, набрала по пояс воздух и, как в воронку, внутрь:

– Все, что эта персона адресует мне, возвращаю ей, свят, свят, свят.

Так проговорила – на последнем придыхании. А уж прибегнув к индивидуальным средствам защиты, можно и заглянуть, что там ей адресуют, чтоб знать, чего возвращать.

Опись: ключей три, два от дома – от парадной и от фатеры, и этот, от нежилого помещения, выглядит, как от всячего замка. Кошелек... Ого, шесть марок и один пфенниг: что-то покупала по цене сколько-то и девяносто девять пфеннигов. Ой ты, боженьки... У каждого свои средства индивидуальной защиты: на все пальцы хватит натянуть. И газовый баллончик – работа как-никак с людьми, а люди разные. Малафцом не пахнет, убежала с трюху, что ей ключиком сердце откроют... Ладуси, ладуси, где были – у бабуси: детская книжка с картинками. И чек на три девяносто девять, сегодняшним числом пробит. «Vücher Grzebin», это же магазин русской книги. Виола недавно приобрела там один трактат, Джо Кришны Лоуэлла «Дети Царя небесного». Выходит, всех денег у нее с собой было десять марок одной бумажкой, и она их разменяла.

Виола листает, решила вспомнить детство.

«Лебедь сказал Буратино: – Отпустите, пожалуйста, мои ноги». («А я ему вежливо: – Рядовой Ковалев, будьте так любезны, не капайте мне на лоб раскаленным оловом».) Елки-палки, черепаха Тортила... «Во рту она держала золотой ключик». Ритка – Ритка, да? – еще читать не умеет, ей читают по складам: «Ма-ма сто-ит на шос-се». Здешние школы с советскими не идут ни в какое сравнение. Опять же Ритка нигде не учится, раз они нелегалы. Лет ей может быть сколько угодно, при этом ни читать, ни писать.

Так за сумкой и не вернулась. Наверняка есть запасные ключи, остальное отработает. Назвалась Тамаркой, полезай в кузов.

Впрочем, продолжение следует. А в «Пазолини», надо сказать, Виолу уже знают: «украинише цауберин⁵ Виола». Немцам нравится, что она из Украины, сейчас все симпатии в украинской стороне. У нее в «Пазолини» скидка двадцать пять процентов – за клиентуру и за то, что она им регулярно обереги наговаривает:

Пахлый, чахлый, удом дряхлый,
Сними малафца с Пазолини-молодца,
Наведи на Якова, гнойного патлатого.

Только кончила с одной (тяжелый случай: «К дочке албанец присосался, что делать?») А что тут поделаешь...), как появляется мужик, позвонил к ней, с женой проблемы, поговорить надо. Ну, приходи. Карабас-Барабас один-в-один: чернявый, глаза выпучил. Огнеопасно. На всякий пожарный прочитала «Якова патлатого», а он услышал свое имя и давай: от кого узнала – она сказала?

⁵ Волшебница (нем.)

– Кто «она», что с тремя ключами? От дома, от квартиры и от сердца?

Виола понимает: из Приднестровья он – не она. Яшка-цыган. Совсем озверевши товарищ. А потеря самообладания – корень всех потерь. Сказано: «Кто ищет, тот никогда не найдет. И лишится последнего, кто со свечой заглядывает во все углы...»

– Ну, чего она хотела?

– Кто – она? В кожаной мини-юбке? Вы, дорогой мой человек, представились: Яков. А она – нет. Я лица, как бритвой, сканирую, а которые без имени, ничейные, эти как в морге сфотографированы. Как звать-то ее?

– Ну, Сашка... Александра.

– Саша шла по шоссе и сосала сушки. Можете быстро повторить.

– Я хочу знать, что она сказала. Я за это плачу.

Нет, такого и правда убить захочется.

– Не желаю иметь вас своим пациентом. Я не какая-нибудь там в шестнадцатом поколении, а честная ясновидящая. Чужую историю болезни я храню свято. Немедленно уходите отсюда, у меня на таких, как вы, дорогой мой молодой, есть управа. На Якова хорошо негатив сливать... Вали отсюда, пока не отсохло чего, понял?

Понял.

Медицинская тайна – это святое. «Разглашение паче порчи», учил Борис Борисович. И был – боженьки, как был прав. Виола такое может рассказать – Акунин отдыхает на природе. А сколько раз бывает, что это тайна от самих пациентов. У немецких врачей-палачей заведено куражиться над больными. Где это видано, чтоб раковый диагноз в лицо выдавался открытым текстом. Человек свихнется раньше, чем помрет. Придет домой – и в петлю. Или как та врачиха в Ломклиник. Виола попала туда, вслух не очень-то и пожалуешься, с чем. Нажила себе девушка бухгалтерскую болезнь. («Доктор, что-то у меня в заднем проходе нехорошо». – «Что ж там хорошего-то может быть, бабушка?») Врач-палач, когда пришла в praksis: к проктологу немедленно! Может, у вас рак! Полетела, как Карлсон. Номерок дали только на послезавтра. Два дня повторяла:

...А с Якова на всякого

С диагнозом раковым.

И помогло. Но Карлсона своего пришлось прооперировать. Впервые в Германии попала в больницу. Море впечатлений. Вместо сестрички, варившей в коридоре борщ со шприцами, пирожные к чаю. Всего две соседки. Одна неоперабельная – в косынке, с ней регулярно репетирует прощание труппа турецких родственников. Другая с осложнением после родов. Немка. Муж каждый день здесь. Сама – лахудра лахудрой, ни тебе подкраситься, ни тебе подмазаться. Такие они и на улице: идет, как с кровати встала. Виола не понимала немецких мужчин. И этот, не урод вроде бы.

Виолу тоже навестила одна ее коллега. Что в сумке у ней зефир в шоколаде, Виола увидела раньше, чем та его достала. Чук-чук-чук: с пустыми руками не придет. Раз без целлофанового мешочка, значит, в сумке. Раз в сумке, значит, из русского магазина – с их мешочком постыдишься идти, из «Альди» – и то лучше. А раз из русского магазина, значит, зефир в шоколаде – в подарочной упаковке только он да шоколадно-вафельный, остальное расфасовано в полиэтилен. А шоколадно-вафельный в больницу не несут.

Санитар тем временем разворачивал кровать с неоперабельной (зато немецкие санитары – красны девицы: он и пахнет мылом, и на башку себе гелю выдавил: перышко соломенное, перышко каштановое).

Переждав, коллега вошла.

– Чего у нее?

– *То самое.* Снова на рентген.

Проводив глазами кровать, коллега сказала в типе, что лучше поскорей, чем мучиться.

– Я бы руки на себя наложила.

– И я. Хотя известны случаи... – оказывается, Виола немножко с соседкой поработала.

Женщину долго не привозили. За это время можно было слетать в Турцию. Или разобраться, кому кем кто приходится в кучковавшемся за дверью многочисленном семействе. Уют домостроя, вековой семейный уклад – больше нечем поправить смерть. Делайте вид, что у вас и рождаются и умирают гуртом. Все равно каждый дышит сам по себе.

Наконец везут. Одна русская, швестер Елена, шепотом рассказала: сделали рентген, рентгенолог (по-здешнему, радиолог) берет снимок: опухоль бесследно исчезла.

«Неужели благодаря мне...»

– Все дело в положительной энергетике, – сказала Виола.

От медсестры как раз шла отрицательная, хотя, узнав, кто Виола да что, сразу сменила тон: стала говорить по-русски, правда, шепотом. А так только нур дойч – с пудовым русским акцентом.

– Вы слушайте, что было дальше. Приходит Лом... Lohmlinik – это по его делу... Приходит, смотрит: на рентгенбильде опухоль в пол-легкого. Ну, ассистент-арцт, парень молодой, растерялся: тот же рентгенбильд, какая-то Айша... Оправдывается: его смена с двух, больную привезли в дежурство фрау Кроковски. Лом в крик: «Где фрау доктор Кроковски!» А она первый день как вышла после пневмонии. «Если больна, незачем ходить на работу!» Видят, ее сапоги на месте, а самой нигде нет. Через пятнадцать минут находят на дворе мертвую. Полиция считает, что самоубийство. Поднялась в эндокринологию и выбросилась из окна туалета. От пациентов велено скрывать, но все равно все узнают.

У Виолы стучит в ушах. Чук! Чук! Красные колеса медленно начинают крутиться... Чук! Чук! Чук! Все скорей... Паровоз вперед летит.... Чук-чук-чук... Гек! Только разогналась – остановка. Даже не предполагала, что так близко ехать. Близенько-близенько.

Влезла в шлепанцы, посмотрелась в зеркальце (кто эта интересная блондинка?). Кабинет Лома в конце коридора – *вломилась*. Обычно он либо «еще не приходил», либо «на операции». Поймай, если сможешь. Подстерегаешь где-нибудь у лифта, чтоб не смылся. Врачи ж чуткие: завидят больного – и ходу пароходу. Лом тоже чуткий – на тех, кто его караулит.

Уставился на нее, а ей что: пациент – не подчиненный, оберхирург уволить ее не может, только зарезать. Сейчас Виола приятно его огорошит: она – знаменитая на весь Берлин, на всю Германию украинская ясновидящая. К ней звонят даже из Австралии. Пусть херр доктор Лом не притворяется, что у них ничего не стряслось, – стряслось, еще как. В радиологии сегодня убили женщину-радиолога.

Онемел.

Да, убили. А что она из окна бросилась, так это ее зомбировали. Мальчишка-врач, который опухоль на снимке не нашел, ни при чем. Снимков-то было два.

Дар речи, казалось, навсегда оставил Лома.

– На вашем месте я бы в полицию не обращалась, – продолжает Виола. – Не трепайте имя, которое носит клиника.

Лом как фашистский генерал, на которого переводчица (кто бы мог подумать!) из-под полы навела пистолет: делай, что приказывают, или тебе капут. Тот – благородной внешности, весь из себя культурный, а страху в генеральских галифе не меньше, чем у Якова, гнойного-патлатого, разницы никакой.

– Почему я должен верить в этот вздор? (Генерал: «Почему я должен верить, что вы меня не убьете?» Всегда считал большевиков лгунами, а тут вся надежда на то, что ошибался...)

Виола: если херр профессор доктор Лом хочет точно знать, как все было, он должен позвонить в радиологию и вызвать лаборантку. Но чтоб она ничего не заподозрила. Потому что улики у нее в сумке. Она явится с большой сумкой. (Под дулом пистолета генерал тоже звонит куда-то и что-то приказывает – с виду обычным голосом.)

– Лом... Фрау Скржипник, хорошо, что вы еще здесь. Я думал, что вы ушли. А доктор Гейгер? А... ну, это даже лучше. Я бы хотел с вами о нем побеседовать с глазу на глаз... Не могли бы вы ко мне подняться?

Молчание. Чтут память усопшей – пока ее убивица поднимается. Лом стоит лицом к окну. За окном: налево – полиция, направо – церковь. Обе из красномордого кирпича. Преступники туда, жертвы сюда. На первый-второй рассчитайся!

Стук в дверь, которым сигнализируют, что входят, – здесь такой порядок. Лом даже не обернулся. Виола оценила: сама встречала пациентов спиной. А все же жаль, смазался эффект от показа мод: «Уличная сумка смело контрастирует с белым халатом и с белыми больничными кедами».

Лаборантка сразу поняла, что в ловушке. А больная-то что здесь делает?

– Фрау Скржипник, – не оборачиваясь, все правильно, панику сеет, – как вышло, что доктор Гейгер проглядел опухоль, которую только слепой не увидит? «Бэ... мэ...» – дальше дело не пошло.

Запер дверь на ключ. «Вождь знает: взперти страшно» – интересно, где он этому научился? Недаром отсюда на Тибет многие ездят.

Из немного участника сцены на неизвестно каких ролях Виола превратилась в свидетеля: теперь не заявишь, что в формате один на один шеф тебя домогался – о чем эти бабы только и мечтают.

– У меня есть все основания пригласить господ из дома напротив. Я обещаю не делать этого, если вы добровольно покажете, что у вас в сумке. Почему вы с ней не расстаетесь?

Немки держатся лучше наших, а все равно: поднеси к темени ладонь – обожжет. Не говоря уж о кишечном тракте. Лому Виола посоветовала бы хорошенько проветрить помещение на предмет дезактивации.

Инквизиция, которую Виолиным предшественницам было за что проклинать с подмостков костра, определяла ведьм по неспособности пролить слезинку – выбросить белый флаг раскаяния. У этой глаза оставались сухими, как осенний лист, хотя, как он же, дрожал рентгеновский снимок в руке.

По ее версии, всему виной случайность: «Врачи, знаете, какие они? Им вечно что-то кажется». Фрау Кроковски после воспаления легких тоже стало что-то казаться. Говорить никому не решилась. Станут шушукаться: дескать, мнительная. В первый день, как вышла на работу, сама сделала себе рентген – убедиться, что это ее фантазия. Решили, лучше в конце ее смены, а имя вписать последнего пациента: мало ли кто войдет – еще увидит ничейный снимок. Пока санитар не пришел за турчанкой – ну-ка, давай! И в спешке всё перепутали. «Катарина!» Ее уже и след простыл. И как назло Гейгер. Берет снимок – ничего не понимает. Другой на полу валялся, едва успела его под шкафчик ногой. Потом незаметно поменяла, этот спрятала в сумку, так и ходит с ним, куда его выбросишь. Когда узнала, что стряслось, вспомнила: как-то сделали рентген, больной еще не знает, что у него. И Катарина – ей, тихо: «Я бы не стала ждать конца. Все равно это не жизнь».

– Не верьте ей, она это сделала специально, – сказала Виола, не смущаясь присутствием лаборантки. – Скажите, что вы не верите.

– Это останется между нами, фрау Скржипник, но вам придется найти себе другое место, – Лом открыл ключом клетку и выпустил убийцу на свободу.

– Откройте окно.

– Зачем?

– Я знаю, что говорю.

И Лом послушался.

– Я убежден, что это случайность. Зачем ей это надо было?

Конечно, ему так удобней. Виола уже раскусила их хваленую честность. Ставят знак равенства между честным человеком и честным поступком, так что всегда можно сказать с чистой совестью: я ничего не знал. Да какая могла быть причина – одна на другую душевно пашет: «Катарина!..» И вдруг взбунтовалась.

– Вы Стендаля читали?

Но профессор доктор Лом, внук великого Лома, не читал Стендаля.

– Болезнь лишь предлог для смерти. Так и мотив – лишь предлог для убийства.

– Это сказал Стендаль?

– Это говорю я, Виола Вещая.

Лишнее знакомство в медицинском мире не валяется. Да еще главпалач. Если что, снимаешь трубку: «Это говорю я, Виола Вещая». В разведке уже есть свой человек. Теперь и в мире эскалопов завелся. Скоро все будет схвачено.

– Могу ли я вам задать один вопрос: как вы об этом узнали?

– Я же сказала: я – знаменитая на весь город украинская ясновидящая. Если не верите, позвоните к Пазолини, спросите, кто такая цауберин Виола.

Так она ему и расскажет, держи карман шире.

Однажды объяснила, кто да как купал красного коня, – тут же прикарманили. И по русскому радио на весь мир. Этот Фидлер еще книжку хотел написать – вместо того, чтоб ей в ножки поклониться, низенько-низенько. стыдно, видишь, стало на людях стоять с социальщицей. Да если б не эта социальщица, сам бы сидел на социале. скрипач... Кто тебя зубы отучил сжимать? Ладно, никому ничего объяснять не обязана. На то и ясновидящая, чтобы все видеть. Точка.

– Знаете, херр профессор доктор Лом, где я родилась? В Виннице, вот где. Это место непростое. Оно стоит на трех термических треугольниках. Вершина черного треугольника упирается в ставку Гитлера, вершина серого – в гроб с Пироговым. А белый треугольник показывает на могилу Уманского Хасида. Винницу еще называют Городом Трех Энергий. Там всегда повышенный радиоактивный фон, и ученые не могут понять, в чем дело.

Вот такие пироги. Лопайте свой кайф, господин профессор. Гут-аппетит.

Вообще-то все элементарно. Включение. Мудро. Поехали: чики-чики-чики... чикенс-чикенс-чикенс... Разгоняемся:

Диккенс-Диккенс-Диккенс,
Стендаль-Стендаль-Стендаль,
Андроповым стал Рыбинск,
Дорожка уходит вдаль.

Диккенс, Диккенс, Диккенс – это тома, тома, тома. Как и подписной Стендаль, Стендаль, Стендаль.

Ту-туу! Поехали с орехами...

У Бориса Борисовича стоял тридцатитомник Диккенса в переводе мужа и жены, любивших друг друга сильнее смерти. И когда у нее нашли *то самое*, они, чтоб не разлучаться, оба приняли яд. Но оказалось, что с «диагнозом раковым» вышла ошибочка. Борис Борисович, знавший Диккенса назубок, провел собственную экспертизу и пришел к выводу, что налицо малафец. Врач был в курсе: ежели че-

го, они уговорилась уйти вместе. Он все и подстроил. Зачем? Может, из мести какой, может, поймал экстрим.

Сегодня Виола блистательно доказала правоту своего учителя, выдвинувшего гипотезу зомбированного самоубийства мужа и жены переводчиков. Когда на одном и том же снимке опухоль то видна, то не видна, естественней всего предположить, что снимков – два. Энерготерапия, к которой она попыталась прибегнуть, преобразует только живую ткань – не рентгеновский снимок.

Минуть тело, воздействовать на его тень – это слишком мало или слишком много? – вопрошают у мудреца. – Это слишком глупо, – гласит ответ.

Теория теорией, а прежде всего Виола прикладной эзотерик: пальцы в клинч, чук-чук-чук-чучка – и в гости прикатил Борис Борисович со своей гипотезой зомбированного самоубийства. Стопроцентное наложение: один и тот же случай. А что малафеец недоказуем, так он недоказуем еще от сотворения мира, которое и само-то больше смахивает на злой умысел: «Сотворение мира – малафеец или стечение обстоятельств? Жертва не того, так другого, человечество бессильно дать ответ».

Но практический результат можно нашарить и в темноте, под шкафчиком. В виде найденного там снимка. Доктор Лом отныне всегда к ее услугам. Кто следующий? Может, бундесканцлер Коль? Или обербургомистр Дибген?

По крайней мере, визитной карточкой херра Хиллярдсена Виола уже воспользовалась (оставить телефончик – это как в первом акте повесить на стенку ружье). Но по порядку. Началось все с телефонного звонка, который не сумела считать.

– С вами говорит... – не поняла, кто, но не стала переспрашивать, все в потоке. – Дело идет о жизни и смерти. К вам умирающий взывает. (Во впендюрил! И у них дома когда-то была картинка: Германн на коленях перед Лизой, у виска пистолет. Бесплатное приложение к журналу «Нива».) Я буду ждать перед входом в культурный центр «Унзер Фрейлахс», это рядом с рестораном «Исаич». Ровно без двадцати восемь, ни минутой позже. В восемь начало, и тогда случится непоправимое. Затычки в нос, вы же не помогут.

Затычки в нос? Ах вон оно что... Фидлер, скрипач. Ну, дает. Странный звонок. И говорил так же. Напомнило фотографию в разделе «Кримиссимо»: «Кто располагает какими-нибудь сведениями об этой женщине, просим откликнуться». А она уж видно, что мертвая. У мертвого Че Гевары такой же взгляд... Боженьки! Это ж та, что сумку с «Золотым ключиком» бросила. Мужа, боялась, убьет. А он ее опередил, Яков... Всяко... Всяко в полицию сообщила б – «на условиях полной анонимности». Но когда дается абонентный ящик. На деревню дедушке пусть Ванька Жуков пишет, это не ее печаль... Глянула еще раз, контрольный выстрел глазками. Покойница, а тепло. Либо тело не остыло, когда фотографировали, либо газета на батарее лежала.

Но это совсем другой сюжет. Это к слову, что скрипач, позвонивший к ней, Фидлер, голосом был схож с этой фотографией. К вам умирающий не взывает, а *взывает*. Звончок-то с того света. Чистый Вуду.

Пошла не раздумывая. Новый «Еврейский культурный центр». Когда-то она уже была там, инкогнито, на встрече с Симоном-волхвом, ну, контактером с космосом. «Мудрец век живет и век учится у глупцов».

Смотрит на часы – на свои часики, которые телевизионщик раз смахнул с телевизора. До без двадцати оставалось пять минут. «Просящему отмеряй с лихвой, и тебе будет отмерено без числа». Он наверняка стоит, ждет – так думала, подходит. И потом, самой же любопытно.

Разочарование полное: никто ее не ждал. Как быть, войти внутрь? Люди скажут: чего это Виола Вещая притащилась? Что хоть за концерт-то...

Двухсотлетию со дня рождения Пушкина посвящается

Роняет лес багряный свой убор

Первое отделение:

Вступительное слово – Нелли Бершадская
«Пушкин – антисемит или семит? История одного табу»
Докладчик Ивонна Белкина. После доклада состоятся прения

Второе отделение:

А.С. Пушкин, «Моцарт и Сальери», маленькая трагедия

В ролях:

Вольфганг Амадеус Моцарт – заслуженная артистка
Коми ССР Анастасия Терлецкая
Антонио Сальери – Виктор Любовоз
Нищий скрипач – Анатолий Фидлер
Музыкальное оформление – Сильвия Таль

Вход 5 марок

Вдруг выбегает, в сюртуке, в дырявых чулках. Увидел ее:

– Вы? Вам что, больше делать нечего? Мне сейчас выступить. Вы, наверно, совсем того? – и убежал, как черт от ладана.

Покупка. Другому такой щуп запустит, себе – фиг. Совсем не ведает, что творит. Говорится ж врачу: «Сама себя исцели». Купилась, как последняя лохань. Она уже раз отличилась с ним. На том день рождение. Забыла, с домработницей знаться стыдно. На весь крещеный мир чужое за свое выдавать – это пожалуйста. Противно, что по второму кругу об него же. А говорят, нельзя дважды вляпаться в одно и то же.

Ни на какой концерт, или на что там, не осталась. По долинам и по взгорьям шла коза, поджавши хвост, и коза эта была – она.

Как по городу Берлину шло созвездие Козы...

Утро вечера еще мудрёней. Наутро читает (в траурной рамке):

С глубоким прискорбием извещаем о безвременной кончине известного скрипача и писателя Анатолия Фидлера и выражаем соболезнование друзьям и близким покойного.

Объединение выходцев из Риги

Глазам своим не верит. А под этой рамкой другая рамка... Да их здесь целый эрмитаж!

Еврейская культура в Берлине понесла невосполнимую утрату. На 43-м году жизни скончался Анатолий Фидлер, прославленный музыкант, одаренный литератор, человек большой души. Смерть вырвала скрипку из рук мастера прямо на сцене. Прощай, Толик, мы, старики, всегда будем помнить тебя, молодого.

Еврейский старческий дом в Потсдаме

Боженки, на сорок третьем году! Урок тем, кто обижает Виолу. Виола, глядишь, и простит, но энергетика обиды влюбчива: «Берегись любви моей», – поет она. Одна коллега, еще по той жизни, хвастала: каждый, кто ее обидел, вскоре умирал не своей смертью. Ну и дохвасталась: утонула в Днепре, совсем у берега.

Универсум свидетель: ни волшебным словом, ни задней мыслью – бантиком своим зла ему не желала. Обиду держала тупым концом.

На девятый день дополнительная информация к размышлению (этих дней вроде бы семь должно пройти у евреев, но какие мы евреи – может, дедушки и бабушки были, а мы совок нерушимый, инди-руси пхай-пхай). Виола в утреннем режиме перед выведением шлаков. Обычная газетная развлекуха: жизнерадостная киевлянка (и прилагается фоторобот), готова переехать на ПМЖ в Германию, социальщиков и бездельников просит не беспокоиться, фотография обязательна. «Я бы с твоей фланелькой, бабонька, была посговорчивей...» 155/92/54 – Виола отдыхает на природе.

Ну что за идиоты! Опять «Вечная». Сами они вечные. Весь город знает, что она – Вещая. Как придет к ним да устроит раздолбон – мало не покажется. Звонить в «Курьер» бесполезно. Там редактор – Слепой. Печатают «кремиссимо» вместо «кримиссимо» – а это реклама «Крем-бомбы» по телевизору. Кретины утробные. Писали б «криминалиссимо» (у нее в классе был мальчик – ему скажешь: «Ты кре-тин», а он: «Я не кретин, а критик»).

Кого Виола не выносила на дух (на нюх, на запах, на вид – на все органы чувств), это контактера с космосом Симона. Уже одним именем мечен: Симон-волхв (Виола берет по номиналу, объявлянице – скромненькое, а там проплаченные статьи на полстраницы и фотопортрет – хоть в рамку вставляй). Однажды решила сходить посмотреть, как он будет слизывать сливки с чужих слезок. Тихонько села в последнем ряду с краю. Набился полный «Фрейлахс» несчастных. Появляется: чахлык невмырущий. Такая конституция, что на диетах сидеть не надо. И френч-стойка «до пят», как носят в космосе.

Начинает:

– Я не вправе открывать природу тайных сил, дающих мне власть над страданием. Но тайное станет явным для каждого из вас уже скоро. Как оно стало явным для сотен тех, кто благодаря мне освободился от физических и нравственных страданий. Имена этих людей известны: Лиля Шафаревич, пятьдесят семь лет, из Бад Пирмонта. Нина Фисенко, сорок пять лет, проживает в Ганновершминден. Иван Кеплер, семьдесят лет, из Нойбохума и многие другие. За полным списком излеченных мною обращаться по адресу: дабл ю дабл ю дабл ю собака вольф точка де. Еще в глубокой древности люди знали о свойстве небесных тел влиять на происходящее на Земле, начиная от морских приливов и заканчивая организмом людей. Мы даже представить себе не можем, точкой пересечения какого количества лучей являемся, – миллиардов, перемноженных между собой. Все дело в коррекции этих лучей. Мы же настраиваем спутниковые тарелки на прием конкретных программ, так и я настраиваю наши тарелки на нужный канал.

Сразу образовалась очередь из желающих настроить свою телевизионную тарелку – после такой настройки и пропадают часики...

До сих пор фото контактера с космосом Симона давалось в рекламном пакете, за содержание которого «Курьер-газета» не отвечает – и правильно делает: мужик не просто парит мозги, а с венчиком. Вдруг то же фото – помельче, прямо-таки уменьшительно-ласкательное. И прижалося оно к «Коленке редактора», тоже маленькой да удаленькой.

«Задолго предугаданная трагедия» – умеет название придумать этот Слепой.

Задолго предугаданная трагедия

«КГ» уже сообщала о трагедии в «Нашем фрейлахсе», когда во время представления «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина прямо на сцене умер скрипач Анатолий Фидлер. Он исполнял роль нищего еврейского скрипача, чья игра вызвала восторг у гениального Моцарта, к жгучей зависти Сальери. Публика шла на маленькую трагедию, а стала потрясенной свидетельницей трагедии полномасштабной. В минувший понедельник друзья и поклонники Анатолия Фидлера попрощались с ним.

А сейчас я поведаю о том, чему сам был очевидцем. Как говорится, хотите верить, хотите нет. Когда Анатолий Фидлер давал интервью «КГ», мог ли кто-нибудь помыслить себе, что через три недели его не станет. Но есть пророки в нашем Отечестве. В тот день музыкант позабыл в редакции ноты, которые ему не суждено будет доиграть до конца: фантазию «Амадеус, Амадеус» по мотивам «Реквиема» Моцарта. Невольно начинаешь искать скрытый смысл в том, что жизнь музыканта оборвалась одновременно с глотком, убившим бессмертного Амадеуса. Ищешь и не находишь. Этот смысл дано постигнуть только избранным. Контактер с космосом Симон Вольф тогда же побывал в нашей редакции. Как сейчас вижу: вдруг он медленно берет эти ноты, смотрит в них и произносит странно изменившимся голосом: «Здесь бездыханным падет не Моцарт, а другой...» И его палец указал на такт с пометкой: *Моцарт падает бездыханным.*

Муха-бляха! «Задолго предугаданная трагедия»... Да ничего он не мог предугадать, он не работает с энергиями. За свою денежку на правах рекламы печатай хоть чего – что ты снежный человек с Тибетских гор. Но Слепой-то каков! Какую подлянку-блин-орлянку принял на душу. Не побрезговал. А есть действительно несчастные, последнее платят. Не все же замуж выходят по третьему разу, чтоб по третьему разу мужа схоронить.

Попыталась сменить гнев на цигун, только хуже сделала. Плонула и в пене чувств: тра-та-та-та-та! Сейчас как покажет им, ищово ыткурф. «Виола Вечная» – это же как «дура набитая». А может, специально? Задружились с этим проходимцем. Ну, Слепой, держись, сейчас как возьмет такси.

Уж она себя накручивала – как струну на колок. Не жалела. У нее есть такая черта: мучить личным примером. Борис Борисович прозвал ее террористкой, с чего-то взял, что террорист – это который гибнет и других за собой уводит. «Да с чего вы взяли?» – «С того, что моральный кодекс террориста: первого – себя не жалеть».

Коли так, она и впрямь была террористкой – как тогда на встрече китайского нового года: спела она шикарно под гитару, концовку просто выдохнула: «А шарик вернулся, и он... голубой». Очень душевно вышло. (Это сегодня «голубой» – полные штаны хохота.) На энергии душевности и повсеместного сочувствия Виола ударила перебором по мажору: «Сердце, тебе не хочется покоя...» – «А руки, вы не знаете скуки». Лешка – пришел и все опошлил. Мужчины на людях всегда стесняются своих чувств. А Виола ненавидит и не прощает, когда едут с ней, а сами оглядываются, нет ли контролера. Она тогда на Лешку смотрела и колок завинчивала. Молчит – винтит, винтит... Пэнцци! Струна лопаается – и ей в щеку. Даже не шелохнулась, даже не сморгнула. Ни малейшей реакции. Как статуя норны сидит, только струйка крови по лицу побежала. Лешка ей: «Дура! Ты же могла без глаза остаться!» Вот это настоящая террористка: испортила любимое шифоновое платье.

И в таком же состоянии она вторглась в редакцию, помещавшуюся на третьем этаже. На третьем – немецком. В Германии кто на первом жил, тех в расчет не принимали, начинали считать со второго. Оттого дышала, как если б в разгар боя ворвалась, – на этаж тяжелее.

– Где Слепой, я – Вещая!

Ей повстречалась на пути московская какая-то неряха на должности Марьванны. Они делятся на секретуток и секретёток, их и считать-то много чести. А это всяка сямка чует – что «много чести». Разобидевшись, вякнула было сямка, но

Виола сявку проигнорировала, безошибочно определив, за какой из двух дверей прчется Слепой.

– Вы знаете, кто перед вами? Я сейчас дверь от вашей лавочки унесу. А ну, кто я?

«Сумасшедшая», – мелькнуло в глазах у Слепого.

– Я не дам впредь наносить мне моральный урон безвозмездно, говоря, что я – Вечная. Я что, на нее похожа? Предупреждаю, я вас привлеку. От Вещей до Зловещей – через дорогу. И это еще только цветочки. Он такой же Вольф, как вы Слепой. Тут для деятельности полиции открываются просторы Родины широкой. Что на самом деле было с этими нотами?

Когда украинская колдунья грозит немецкой полицией, то ей не дашь под зад «Коленкой редактора» в русской газете.

– Слушайте, давайте сперва познакомимся, а уж потом будем ссориться. Я с вами абсолютно согласен: никто не вечен и ничто не вечно. Ни я, ни вы. Вероятно, произошла какая-то досадная ошибка. Если вы мне все спокойно объясните, мы постараемся это как-то утрясти.

А быстро подействовало, так и до уборной добежать не успеет. Тряпка – она и в Германии тряпка.

– Хорошо, объясняю русским языком. Я – Виола Вещая, ко мне обращаются люди. Анатолий Фидлер хотел меня за пятнадцать минут до смерти. Сказал: только я ему могу помочь. Но когда я примчалась, он уже был крепко зомбирован – ничего не помнил. А может, был зомбирован еще раньше: из трубки слышался мертвец.

Вид у Слепого был жалкий: он ни во что не въехал – даже аварийной ситуации не возникло.

Виола снизила:

– Ладно, так и быть, Бэхчик даст примэхчик, – припомнилась нахальная радиопередача. – Как вас звать – чтоб не к пустому месту обращаться...

– Борис Михайлович.

– Я ж говорю, Бэрчик. Нет чтоб Борис Борисович, совсем другой коленкор был бы. Хорошо, нарисуйте картину. Вы человек фантазийный, вам это ничего не будет стоить. (Бесплатное приложение к журналу «Нива»: Германн с пистолетом, нацеленным на Графиню, подпись: «...И это вам ничего не будет стоить».) Ну как, нарисовали? Еще совсем молодой человек – и вдруг умирает. Что нам хотел сказать художник? Если не прямо, то намеком. Умирает во цвете лет...

– Вскрытие...

– Да что вы мне со своим вскрытием! Если министра, президента если находят где-то в ванне, в поганом отеле, и говорят «самоубийство», то уж нашему Мыколке нарисуют смерть от чего хочешь. Сегодня можно закатать человека в асфальт, а смерть наступит от диабета. Зорге якобы тоже предсказал, да почему-то вспомнили об этом, только когда... – заунывно:

Двадцать второго июня, ровно в четыре часа,
Нам объявили: Киев бомбили...

Нет, так и не въехал. Школа вождения по таким плачет.

– Повторяю для особо понятливых. Версия первая. Контактер с космосом Симон вышел на связь. Слетал на палочке верхом. Потому что такая палочка у одного на миллиард – кто владеет не четырьмя энергиями, а сто четырьмя. А Симон ваш вообще не работает с энергиями. Ни с одной. Отмечаем. Верзион цвай. Совпадение. Минус-минус-минус в квадрате с четвертинкой. Без закуски. Вычитание произвели? В остатке шиш. Третья версия, самая, извиняюсь, вероятная. Контактер с космосом пошел на контакт не с космосом, а с вами. Вступил в преступный сго-

вор, как говорили наши беременные милиционеры... а чего? В Виннице милиционеры, начиная с капитана, все на девятом месяце, для них ведомственный роддом открыли. Не понимаю ваших взглядов. Вы, Борис Михайлович, и не с такими знаете. Вон вы некрофилам потакаете: где знакомства, снимки мертвяков печатаете. К вам из «Таторта» еще не наведывались?

Она не понтилась: во второй раз мертвые глаза Саши с шоссе смотрели на нее со страницы брачных объявлений. И жуткое: «Я ищу тебя». Абонентный номер уже другой.

– Что за чушь вы порете, какие некрофилы?

– А вроде ж не знаете. У вас бандюки отмываются, Яков с Приднестровья, Саша со стран Балтии, это же все мои больные. Она убить его хотела за то, что всю выручку у нее забирал, а вышло не по-нашему, а по-вашему, если судить по фото. Эти фото у них за маляву. Они ими переписку ведут.

– Марьконстантинна! Идите сюда! – втащил ее, упиравшуюся, все слышавшую. Не «иванна», правда, но имя отгадала, уже смешно. Значит, галахическая, раз «Константиновна». По тому, как поредели на висках волосы, незамужняя ткачиха – это от произвольного выдергивания, когда перед телевизором сидит. Да ну ее, не будет ее Виола считать.

– Я хочу, чтоб вы товарищу рассказали, как было с нотами.

А распахивался-то, боженьки.

Мария Константиновна недружелюбно посмотрела на «товарища»: почему не хочет ее считать? Ну и что же, что тридцать три аборта, – когда это было, в семидесятые, и потом тридцать четвертого же не делала, родила от дядьки Черномора, иначе хрена лысого сюда было переться, только ради Ксюши-Гоши-Даши – маме-то, Иде какой-нибудь Григорьевне, все равно, с какого погоста воспарять в небесные объятия Константина своего Батьковича, чья невоенная косточка давным-давно уже гавным-гавно, а не военная она, потому что офицерские дочки все вертихвостые и глазурью облитые, замуж выходят всей семьей, тогда как у Марии Константиновны тоска не по мужикам, а, наоборот, от мужиков, и так было всегда, и в семидесятые тоже, а что аборт по числу витязей прекрасных, то именно-то хотелось быть как все, а не чего-то особенного.

На лице у Марии Константиновны написано торжество: пришлось-таки ее считать. А то: «много чести». А еще оттого торжествует, что приготовилась врать. Это как хор прихожан: чем фальшивей поют, тем торжественней звучит.

– Ну, как было... как было... с этими нотами, значит... Симон стоит, голову опустив. Вот тут, посередине. К нам спиной. Вдруг повернулся и сюда подходит. Нагибается, достает их из-под стола. Я говорю Борису Михайловичу: «Смотрите, Толя свой “Амадеус-Амадеус” обронил, хватится, искать будет». Симон молчит, а потом показывает: «Вот здесь, – говорит, – умрет совсем другой человек, далеко не Моцарт». Смотрим, а там написано: «Моцарт умирает».

– «Падают бездыханным», – поправила Виола.

– Ну, или падает бездыханным. Это было... как раз сдала номер с его интервью...

– Чьим?

– Ну, Толи... Совсем недавно. И месяца не прошло. И нет человека.

– А как он сам тогда на это среагировал? Или вы ему ничего не сказали? А, Борис Михайлович?

Очнулся.

– Что?

Нет, он не уверен, что они встречались после этого.

– Марья Константиновна?

– Я уже не помню, как было, – говорит она.

– А куда же ноты эти подевались? Как подложил их, так же он их и унес?

– Кто – он? – Слепой доехал наконец до места назначения. – Да нет же, они потом у меня на столе лежали. След от стакана на них отпечатался, я еще обратил внимание.

– Вы, Борис Михайлович, как редактор, своими собственными коленками... извиняюсь, колонками соучаствуете в космических проектах господина Симона Волка, а сами без понятия, о чем вас ни спросишь. Вы что, не слышали, что Фидлер этот злосчастный никаких нот не терял. Их Симон подложил под стол. Когда фокусник у вас из-за уха достает пикового туза, вы тоже думаете, что пиковый туз у вас был за ухом – интересно... Странно мне, что он их с собой не прихватил. Если только все так и было, как Мария Константиновна рассказывает.

– Клянусь вам, – сказал Слепой. – Я свидетель.

– Не клянитесь, потому что, дорогой мой человек, вас используют с применением высокотоксичных технологий. Вас дерг-дерг за ноточки... извиняюсь, за ниточки, как в кукольном театре... – и отвлеклась. Сама с собой: «На шее золотой ключик, в сумке “Буратино“, ладуси... Ладуси, ладуси, где были – у бабуси...»

Сглотнула и продолжает:

– Здесь в кукольный театр можно и без детей ходить. На «Рики-Тики-Тави», например, – про зверюшку, которая на ядовитых змей охотилась. Я знаю взрослых, которые просто обожают театр марионеток.

Подумала о херре Хиллярдсене с его токсикологией добра и зла: они – яд, мы – противоядие. Позвонить? Мог измениться телефон. Мог уйти на пенсию. Если государственной служажий, то как штык в шестьдесят пять, хоть ты и боец невидимого фронта... а у них у всех к старости адмиральская выправка – прямо на фронт отправляй, следующую войну проигрывать. Не-е, этого они больше не хотят, отбили охоту. Того кафе уж тоже больше нет, «Меццо», где они сидели. Дымящиеся руины. Да и что сказать ему? Помните Виолу, волшебницу из Винницы? Вы еще Андреевского Лешу на нее хотели словить. «Ну гут, – скажет. – Мы и сейчас хотим. Вы согласны?» А она не согласна, почему это она должна Лешку подставлять? Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... Нет, за то, что он на этой женился – на Марфе, а не на Марии, она его никому сдавать не собирается. Марфа и постирает, и сварит, и детей родит. Борис Борисович тебе правильно сказал, такого отца слушать надо. Живи с ней.

Голос в трубке:

– Hillardsen...

– Херр Хиллярдсен, я Виола, помните? Кафе «Меццо», «Рики-Тики-Тави» мы ходили смотреть. Вы мне свой телефон оставили...

Ах! Виола! Еще бы не помнить.

Условились в «Пазолини», в рабочий полдень. Ну, конечно, он знает это место. Оно немножко специфическое, но если с дамой, то...

– За пять лет я, наверно, изменилась, но, думаю, вы меня узнаете.

– О чем вы? Вас нельзя забыть, Виола.

Во гадюк.

Надо дать почувствовать ему свою заинтересованность, на мужчин в определенном возрасте это действует.

Мысленно перебрала свой гардероб и остановилась на синей юбке тяжелого шелка. Сапожки – черные замшевые на шпильке. Немножко тяжело в них ступала, но это только на большие расстояния. А верх будет абрикосовый, из ангоры, с маленьким платочком на шее. Сбоку кошачий бантик надушенный. Потом, когда примерила, передумала: хватит с нее бантиков душистых. Да и слишком легкомысленно для подключенной к Универсуму. Остановилась на нежно-фиалкового цвета блузе навыпуск. А на плечи накинула отороченную мехом бирюзовую финскую шаль, очень дорогую, – пусть знает, ищово ыткурф. («Чуда на Ниле» так и не про-

изошло, не помогли тонущему бутику и спасательные лодки «Лакосты». Но ей присоветовали «Моду Рубенс» – у них теперь одеваются все бывшие крокодилы.)

С утра еще успела сбегать в парикмахерскую. Ее мастер, м-сье Пьер, настоящий француз, когда ее впервые увидел, сразу сделал предложение руки и сердца. Вот еще! Правда, он быстро утешился с другой русской. Даже французы предпочитают наших женщин – такая у нас во лбу звезда горит. Не где-нибудь, как у других, на самом видном месте.

Что херр Хиллярдсен постарел, заметно было только в первую минуту. Разница между астральным и физическим стиралась мгновенно. Добрый знак, не будет разочарований. Слушал скептически, совсем как «я у мамы дурочку». Пока не дошло до «Купанья красного коня» – как Фидлер по радио врал, что это он просчитал Ельцина. Сперва думала не вспоминать об этом: херр Хиллярдсен и так-то подозревал ее в профессиональной ревности.

– Я вам говорю, Симон не мог этого предсказать.

А она? Она бы смогла?

И она тоже нет. Но он на все сто не мог. Он не владеет самыми элементарными техниками. Он шарлатан. А эти ноты сам принес.

– Как вас еще можно убедить? Вам нужен мотив? Пожалуйста: теперь он для всех – представитель расы Огня. Их сегодня один на миллиард, кто заряжен энергетикой такого градуса.

У херра Хиллярдсена в одно ухо входило, в другое выходило – без того, чтобы обернуться красным молотцем.

– Там был какой-то токсин, – пыталась она воздействовать на его профессиональную чакру. – Вы этого не понимаете?

Нет, он не понимал. Вскрытие ничего не установило... хорошо, он согласен, это ни о чем не говорит. Но и то, что она предполагает, – абсурд. В плане результативности расчет с точностью до нуля. Пришлось бы учитывать миллионы неучитываемых факторов: особенности организма, что и когда человек ел, продолжительность музыкального произведения. Да и потом как установить таймер, если неизвестно, когда хозяйка поставит жаркое в духовку. «Проклятую книгу» Честертона она читала? Там тоже конкретная страница. Легче всего допустить обычную мистификацию. Был фильм Хичкока – не помнит названия: на концерте киллер следит по партитуре, когда стрелять. Выстрел должен совпасть с ударом тарелок. Пусть Виола объяснит технику убийства. Единственно возможный способ: отравитель сидел с нотами, в нужный момент незаметно, над головами всего зала, он пустил из вассерпистолета отравленную струйку. Ни на один из трех вопросов: «как?», «кто?» и «зачем?» у нее нет удовлетворительного ответа.

– «Как» – надо спросить у Симона. «Зачем» – я сказала.

Только пожал плечами.

Они все помешались на мотиве. Зло должно иметь причину, а добро – нет, это норма. Боженьки, как при коммунизме. А еще верующие.

– Если б я знала «как», я бы наверняка знала «кто». Но для вас главное «зачем». А зачем, скажите, он ко мне звонил и говорил, как под диктовку, – чтоб я пришла перед началом. Кто его зомбировал?

С чего она взяла, что это он звонил. Его тоже разыграли.

– А зачем это надо было? Кому?

Херр Хиллярдсен снова пожимает плечами: русские шутят.

Когда мотив важен, он их не интересует: «шутят». Все наоборот. Она твердо знает, что Слепой не врет. Она просмотрела его. Все так и было, как та тетечка рассказывала. Предсказание *было*. Виола откроет ему маленький секрет: у нее имеется персональный детектор лжи. Только реагирует он не на ложь, а на правду.

– А на ложь?

Пришлось признаться, что с этим хуже. Поэтому не исключено, что она-то как раз врала: было завиральное торжество в голосе. Сама не понимает, вроде бы оба рассказывают одно и то же, а правду говорит только один, как это может быть?

Херр Хиллярдсен засмеялся: для него признать, что истина субъективна, значит-ло бы перечеркнуть всю свою жизнь.

– Вы, Виола, очень интересный человек (он сказал «фрау»).

– Вы тоже очень интересный человек (она сказала «манн»).

Немцы скоры пить на брудершафт, а откажешься – «обижяишь, дарагой». Он сделался Вильфридом. Виоле ничего не оставалось, как уменьшиться до размеров Виолыны. Вначале почудилось: он говорит ей «Мальвина». («От Буратины слышу».)

И сразу отвлеклась: золотой ключик, кукольный театр, приехавший на гастроли... Сидит зараза занозой: мама шла по шоссе и сосала сушки.

– Я бы хотел прочесть это интервью, – сказал Вильфрид.

Это уже что-то. Договорились, что она раздобудет экземпляр «КГ».

– Но за прошлый месяц...

Ему все равно, за какой, пусть она ему переведет.

Помня, что редакция на четвертом русском, Виола поднимается медленно в гору, переводя дыхание на каждой площадке.

Мария Константиновна слаще сахарной немки, что улыбается вам в булочной:

– А Бориса Михайловича нет. Но мы уже исправили: Вещая, правильно?

Но Виола не за сачками здесь.

– Мне нужно интервью с Фидлером, со скрипачом. За какое это число было?

– Сейчас найдем. Вот. Отксерить? Интересное, помню, получилось. А вы берите всю газетку.

Взяла – почему бы нет. Сверилась с датчиками: на сей раз не зафиксировано никакой тревожности, не как тогда с нотами.

– Послушайте, мы сейчас без Бориса Михайловича, одни, – Виола понизила голос. – Мне же можете сказать, куда ноты делись. Борис Михайлович ничего не узнает.

– Да хоть бы и узнал, мне-то что. За ними потом приходила одна женщина, знакомая Толи. Она их сама и написала, вроде. Сказала, что Толя забыл, просил забрать.

– А почему вы от Бориса Михайловича скрываете это?

– Да ничего я не скрываю. Просто я, ну, передала ей, что Симон там напророчествовал.

– И что она?

– Типун ему на одно место, говорит. Я тогда Борису Михайловичу об этом не докладывала, а то бы начал: кто меня за язык тянул. Не сказала – и не сказала.

Посмотреть бы на свет эти проклятые ноты. «Проклятую книгу» тоже не мешало бы прочесть. А тетечку эту Виола прекрасно понимает: сразу не рассказала, а теперь неловко. Она тоже постеснялась признаться, что не читала «Проклятую книгу»... Честерфильтра? И теперь из нее это клещами не вырвешь.

Интервью с человеком, которого через три недели не стало. Чук-чук-чук – чуууур! Чук-чук-чук – чуууур! А хвастун-то, боженьки... И то у него здорово, и это отлично. Вагоны покачивает. Чук-чук-чук – чуууур! Газетный шрифт мелок (а у кого-то еще и щи жидкие). Зато его вагон больше не качает, отцепили, а он так и продолжает вести в нем антиматериальное существование. Антиматерия лишена энергетизма, в остальном все то же самое. Иногда даже их замечают в толпе – тех, кто умер. Виола сама читала, как незаконно репрессированные спустя много лет, в пятидесятые годы, вдруг объявлялись по телефону, уговаривались о встрече, ну и динамили, разумеется. С Фидлером договоренность о встрече у них тоже была телефонная. Не он звонил, скажут? А кто?

«Их называют “спящими агентами“», – читает она. «Слышал звон». Но оторваться не может: «Они были погружены в сон гипнотизерами по заданию советской разведки. И они проснутся, когда их разбудят. Известно, что под видом выезжающих по израильской визе в Германию были инфильтрованы...» Выскочила из вагона, еще немного, и остановку бы свою прозвала: «Контплац». Дверьми хвост защемило, газета чуть не улетела на рельсы.

Но это что! Это ерунда по сравнению... (Если б кому рассказывала, то шепотом.) Шепотом: когда, поднявшись, ждала зеленый, чтоб перейти через дорогу, тогда-то и приняла оглушительный сигнал в подтверждение своей причастности. Аж под коленками вспотело... на ветерке просохнет. Буквально за пять минут до этого вспомнила, что умерших редко, но встречают на улице, так? И на тебе: на другой стороне из магазина, куда ей, собственно говоря, и надо («Bücher Grzebin»), вышла та, дважды являвшаяся ей на фотках. «Кто располагает какими-нибудь сведениями об этой женщине?» – спрашивали в рубрике «Кремиссимо». А в ответ со столбца брачных объявлений к тебе тянулись скрюченные пальцы повешенного на нем мертвеца: «Я ишу тебя-я-я».

Проехавший автобус стер ее, как мокрой губкой.

Непродолжительность астральных явлений имеет своей причиной отсутствие энергетического заряда.

Джо Кришна Лоуэлл

– Хотя могло быть и проще.

– От вас только что ушла женщина? – спросила она у продавца-мужчины, смахивавшего рассеянностью на ученого у себя в кабинете: вязаная кофта на больших, срезанных со старого женского пальто, пуговицах, очки.

– От меня... ушла женщина? Мм...

Рассеянных людей трудно озадачить.

– Она «Золотой ключик» у вас взяла.

– Золотой ключик? Ах, «Золотой ключик»...

– А у вас есть «Проклятая книга»? На «че»... черт... вроде «Черчилль»...

Нет, ничем их не проймешь, этих рассеянных с бывших Бассейных.

– Честертон? Это надо смотреть в отделе художественной литературы, а не эзотерической. Но я вас сразу должен огорчить. Рассказ был напечатан по-русски в переводе Фыфкина...

– Кого? – Виола допустила мысль, для мужчины обидную: что у него – *жуб шо швиштом*.

– Фыф-ки-на – первая Федор, а не Шаляпин. В тридцать пятом он вышел в «Антологии странного рассказа» и с тех пор не включался ни в один честертонский сборник.

– А Лоуэлла, Джо Кришны, «Введения в тайноведение» у вас, случайно, нету?

Хотелось выглядеть покупательницей, которая знает, чего хочет, а не созвездием Козы.

– Еще нет. Мы заказали.

– Извините за нескромность, если что. Про что там в «Проклятой книге»? – и соврала – на случай «если что»: – Вот даже Рудь по телевизору не смог ответить.

– Там? Как на одной древней книге лежит заклиние: каждого, кто пытается ее прочесть, постигает смерть. Впоследствии выяснится, что легенда о заклинании выдумана задним числом, чтобы окружить убийство мистической тайной. Возле тела жертвы находят инкунабулу: огромный черный фолиант, раскрытый на шестьсот шестьдесят шестой странице. На этой странице изображена горящая стрела, пронзающая человека, – такой же убит и несчастный коллекционер. В действительности он случайно проник в планы германской разведки. Ее агенты говорились

взорвать Вестминстер во время выступления там советского наркома по имени Максим Бухарский. Немудрено, что рассказ у нас больше не печатался.

– А чего им стоило просто убить человека, подкараулить и убить?

– Тогда бы не было рассказа.

Виола кротко поблагодарила мужчину-продавца. Продащица – совсем другое. Ей что книгами торговать, что пельменями. Мужской персонал высококвалифицирован. Там, где книжки не продаются вперемешку с пельменями, продавец даже с виду не уступит доценту, на худой конец, аспиранту. Однажды они сцепились прямо у нее на глазах, доцент с аспирантом: как правильно, «на Украине» или «в Украине»? Спорили-спорили, и тут говорит доцент аспиранту: «А вот как правильно, “на заднице” или “в заднице”?» А аспирант ему на это: «Смотря что хочешь сказать. Если “пошел бы ты”, то “в задницу”, а если “прыщ вылез”, то “на заднице”».

Образованность – наше больное место. Можно уйму всего прочесть, в седьмом классе знать «Онегина» на память и быть необразованной. Чужие знания так и хочется побить козырями своих, но когда такой вот в очках, в вязаной кофте открывает рот, стоишь, краснеешь от ревности и смущения. Что не помешало Виоле самоуверенно протянуть ему свою карточку. Кто не ищет, тот всегда обрящет, – так же и с теми, кто не уверен в себе: им, всем этим кудесницам из Винницы и виртуозкам из Днепропетровска, решительности не занимать.

– Если вам тоже чего нужно будет от меня, не стесняйтесь. Я – Виола Вещая. Отгадываю сны, нахожу выходы из безвыходных ситуаций, соединяю с половинками.

Девяносто девять из ста вручаемых нам визитных карточек отправляется в мусорное ведро. Это только в сказке вскользь упоминаемая визитная карточка дождется своей минуты: если не выстрелит, то, по крайней мере, где-нибудь всплывет.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Что сие означает? А то, что нет такого ружья, которое рано или поздно не будет пущено в ход, и нет такого лягушонка, который, в решающий миг квакнув на помощь своих сородичей, не достал бы со дна пруда спасительный золотой ключик.

Виола не даст сгнуть в безэнергетическую черную дыру ни единой крупичке живой материи. Смерть небытию! Как учил Борис Борисович: «Я – воскресение жизни». Навязчивое попадание в поле зрения «Саши с шоссе», живой или мертвой, ждало своего вознаграждения в виде разгадки – как будто канючили: займись мной.

Ужо займусь!

Приятно сознавать, что еще один пробел в знаниях засыпан. Честертон. Почти что, можно сказать, читала «Проклятую книгу». Скажем, читала, но давно – в школьные годы прекрасные. И никакой заминки не произойдет с херром Хиллярдсенем, с Вильфридом, с которым у них сегодня в полчетвертого файф-о-клок.

Посмотрела на время. Хорошенькие часики! Телевизионщик не дурак, губу на них раскатал. Двенадцать с хвостом. Успеваешь провести еще одну выездную сессию. Она уже знает, как возобновить без ненужных объяснений знакомство с Толей-стоматологом. Ежу понятно, что женщина, приходившая за «проклятыми нотами», и Сильвия Таль, «музыкальное оформление маленькой трагедии» – одно и то же лицо. То есть Силька. Позвонить? «Сколько лет, сколько зим! – Да неужто ж не забыли?» Сказал же ей заслуженный чекист Немецкой Федерации: «Вас нельзя забыть, Виола». Но с другой стороны, если просто так вдруг позвонить, то получается «пошто приходил», – и еще не факт, что пригласят, хотя ты давно знаменитость: и из Австралии больные, и откуда угодно. Поэтому лучше, как ни в чем не бывало, явиться на прием. У зубного проверяются раз в полгода. Ничего страшного, покажешь свои большие зубы: это чтобы тебя съест, Силечка.

Праксис у них все там же, в Цоллендорфе. Давненько не ездила по этому маршруту. А когда-то каждый день пилила напрямик с Невельштрассе, со шпрах-курсов. В первые дни ей слышалось «Небельштрассе» –

А я еду, а я еду за туманом...

Много чего тогда слышалось с непривычки. Сегодня понимаешь, как верна индийская мудрость: то и это одно и то же. Звери все одинаковы, но тут они сидят по клеткам, а там гуляют на свободе. Здесь зоопарк, там сафари. И еще. Здешние звери сами себя посадили в клетки, как трусоватый хулиган: «Держите меня, я за себя не ручаюсь!» Наши до таких высот еще не доросли. Все впереди, дорогой мой человек.

«Зубной врач Анатолий Таль». Ничего не поменялось. Силька в регистратуре – в маленькой трагедии принимала участие на общественных началах... Нет, поменялось, сразу не заметила. Неброско так: «Зубной врач Даниэль Таль». Один держит, другой рвет.

Сильки нет – другая, льняная. На ее стороне прямоугольные ногти, молодость. И ни стыда, ни совести: на русский с Виолой перешла без спроса. Как турецкая медсестра, которая с Айшой чешет внаглую по-своему. Это швестер Елена: шу-шу-шу, на ушко – а так будет с тобой только по-немецки.

– Вы у нас в первый раз?

Пока заводила на Виолу дело, зазвонил телефон:

– Цанпраксис доктор Таль, гутен таг... Сейчас... – нажала на кнопку.

В дверях показался доктор Таль, чье поприще – счастливейшее в медицине: ни тебе летальных исходов, ни тебе диагнозов раковых. Подвязанная щека – и зал хохочет.

– Чего там?

– Малгажата.

– Не могу. Скажи, я во рту.

Вдруг затряс головой, допуская, что Виола от этого рассеется.

– Нет, глазам своим не верю. Какие люди! Хоть рекламу давай: «Ясновидящие наперед знают, к кому ходить». Виола Вещая нам тоже свою пасть доверяет.

А кто еще?

– Слышишь, Леноч, это же сама Виола Вещая. Сколько лет, сколько зим!

Так и думала. Куда, разлучница, Силькин труп дела, скажи?

– Извини, старуха, больной слюной изойдет. После поговорим. А это наш Леноч – хороша? Данька мой в бабах толк знает. Все, чао.

– Так вы Виола Вещая? Как же я сразу не заметила. Какая-то Виола Шпильман пришла.

– Мы квиты. Я про вас тоже сразу не сообразила. А Сильва что?

Когтистая Лена почему-то посмотрела налево.

– Они уже два года как расстались.

– Я так и подумала, когда вас увидела, – Виола «брякнула» с намерением. Небольшая динамитная шашка в расчете на информационный взрывчик. Эти свеженькие – необидчивые.

– Не-е, я не по этому делу. Да и там мощная баба – Малгажатка.

– А что сын, страдает за мать?

– Чай, нет, она же первая с кем-то там спуталась.

– Она? В наши лета? Ничего себе.

Да что ты, Таня, в наши лета
Мы не слышали про любовь.

Лене интересно:

– А не могли б мне предсказать...

Это за отдельное спасибо.

Шутит. Пусть приходит к ней. По такому случаю она угощает – по какому «такому», Виола не уточнила.

– Я должна видеть проблематику, а не так, на пустом месте.

Небось охота знать, как у нее дальше пойдет с парнем. «И ваще... – передразнила про себя. – Па-маасковски».

– «Пазолини», кафе, слышала?

– Чай, да.

– Приходи. Когда ты можешь?

– Но об этом ни одной...

– Смеешься? Медицинская тайна.

Нехорошо, что она всех в одно место приводит. Пора открывать филиалы, сегодня здесь, завтра там. «Мужской день», «женский день», «коктейль-день», «для одного круга». Это в сауне – пролетарии всех стран соединяйтесь.

Когда пришла в «Пазолини», ее уже дожидались. Нормально. Раз они теперь «Вильфрид» и «Виолина», то мужчина должен приходиться первый. И смотреть на нее вот так – как кот на сметаночку.

«Ах да, газета...» – вспомнила, переводит:

Я о многом догадался

Беседа главного редактора «КГ» Бориса Слепого с Анатолием Фидлером. Известный скрипач демонстрирует новую грань своего дарования. «Нет ничего тайного, что не стало бы явным, – говорит он. – В то время как разведки всего мира охотятся за информацией, имена тех, кто ею располагает, ничего не стоит отыскать в телефонной книге. Надо только уметь ею правильно пользоваться. Другими словами, знать код».

Трепло. И треплется, и треплется. А Вильфрид, который при этом ест послеобеденный торт с кремовой базой данных, и слушает, и слушает. И этим еще больше напоминает кота Ваську.

– Всё? – с некоторым разочарованием. Только непонятно, к чему это относилось – к воспринятому на вкус или на слух: то и другое подошло к завершению одновременно.

Кончив, Виола, чуждая кондитерских утех, отпила «Валенсию», крася нежным цветом своей помады апельсиновую желтизну до краев налитого стакана: испанский флаг, кровавый след на песчаной арене... Вздохнула: я не могу сыграть тебе мотив убийства, хоть и зовусь Виолой, даже Виолиной – но консерваторий не кончала, лишь так, по слуху, на гитаре: «А Тузик вернулся, и он... голубой».

Она ждет, что он ей скажет.

– Что касается мотива, лишь параноик мог бы усмотреть в этом гейгере, в этом виолинисте, в этом фидлере какую-то для себя опасность. И лишь параноиком может быть контактер с космосом или человек, способный из телефонной книги вычитывать имена агентов. Это для психиатра, Виолиночка, дорогая...

Тогда пусть и ее считают за параноика! Ее, Виолу Вещую!

– ...Но факт остается фактом, – продолжает он, – Фидлер был отравлен.

Виола не верит своим ушам, хотя верит в свою правоту.

(Пример палки о двух концах, заметим мы от себя. А еще пример того, что факту злодейства всегда обрадуется заподозривший его. И для этого вовсе не надо быть злодеем. Палач, состоящий на государственной службе, не является убийцей, если не подрабатывает по ночам. Он выполняет свою работу и, подобно

мсье Пьеру – не парикмахеру, другому, но тоже специалисту по стрижке головы – вправе гордиться тем, что не делает зарубок. И следователь хочет, чтобы его подозрения подтвердились. Он готов для этого сделать все, что только можно. А порою – и чего нельзя.)

– Как! – Виола просияла: Фидлер был отравлен.

Вот так. Экспертиза на наличие того-то, того-то – в общем, благодаря Виоле все подтвердилось.

Молчит, ей это приятно. А они оперативны, надо отдать им должное.

– Повезло, что у него никого нет, – говорит Вильфрид. – Близкие противятся обычно эксгумации.

Виола кивнула.

О мертвом никто не знает, насколько он мертв, покамест он действительно не подвергся распаду. Ибо существуют такие глубины сознания, в которых, даже если целиком выключены наши органы чувств, можно страдать. «It was much worse than I thought, – произнес моими устами некто – слова, смысл которых я не понимал, – I suffered too much».

Фома Муж, «История истории»

Вильфрид говорит, что так и не удалось установить, чем же был отравлен Фидлер. Это не для полиции. Но Вильфрид и не полиция: это у тех с бору по сосенке, а в его конторе сбор информации ковровый.

А когда в последние дни месяца мая цветущим ковром покрывались поляны, лесные луговины с их первым с прошлого лета медвяным дурманом, тогда Елосич надолго исчезал из дому; превшись совсем по-летнему, в промокшей до черноты синей рубахе, ползал он по земле, собирая в пучки лекарственные и ядовитые травы, по-собачьи дрожа носом и приносясь, слыша над собой гул проносящихся шмелей, звонкие голоса цикад...

Это прочитался по памяти какой-то школьный отрывок. У Виолы память – острая, как сканер. Про кого-то говорилось: не голова, а Дом Советов. А про нее: не голова, а фотоателье. Даникова Лена, с которой они спустя два дня сидели за этим же столиком, ахнула. «А что сережки, – спрашивает Виола, – еще не готовы?» С того раза заметила, сколько у нее в цепочке звеньев, и теперь, когда на два меньше стало, прикинула: Ленка, значит, отнесла к ювелиру, чтоб сделал серьги.

Лена рассказала свою жизнь – на каком ее сучке познакомилась с Даниилом. Хочет знать, что ей светит с ним. Виола задавала вопросы совсем не в дугу. А как воспринял Толик-врач, что умер Толик-трепач... «скрипач, извиняюсь, хотела сказать». На ровном, можно сказать, месте. А что это за драма на охоте с Силечкой? Что за страсти такие мордасти? А кто эта Малгажата, откуда она взялась?

– Ну, Малгажата – это, я тебе скажу, нечто. Его – бульдожьей хваткой. До этого он был год на вольных хлебах. Немки – и те случались. Но куда им всем до Малгоши. Она художница или в типе. Кукол шила.

– Молодая?

– Ну, посередке между тобой и мной.

– Волосы...

– Зимой и летом одним цветом. Мы с ней в масть.

– К мсье Пьеру ходите?

– А это как ты доперла?

– Да уж доперла. Рука видна. К нему все ходят. У него энергетическая зависимость от русских женщин.

– А я-то думала: чего это он ко всем лезет?

– А Малгажата, она что, полька? Давай-ка про нее.

– Она из Литвы. Из говна... Ковна – она сама так говорит. «Кака у нас, – говорит. – Какаунас». В музее художницей работала на какое-то чюрло. Добралась до Германии попутками. Здесь подала на азиюль. Потом легла в нелегал. Кончилось тем, что вышла за немца, в Дании расписались. Через год счастливо разошлись. Работала в театральной мастерской, знаешь, баба, которая все своими руками делает.

Ленке и помыслить о таком в лом – с ее ногтями цвета ежевики. Своими руками... А Сильвию она видела только раз. Повстретили в Потсдаме, когда ездили с Даниилом проведать бабку в доме престарелых.

– Боженки, еще жива?

– А чего ей сделается? Она там как заспиртованная в банке. Как Сильвия к этому мужику слиняла, так Толик ее туда и засунул.

– А что за мужик?

– А вот такой! – пальцы в растопырку, губы в разляп, язык не ворочается: – Бизнес-общество.

– Совсем такой?

– Почти. Мы с Даниилом приехали, и они там на шестисотом «мерсе». После поехали все к «Исаичу» пожрать. Ну, посидели цивильненько.

А ведь Силька ровесница Виоле. И чтоб такой загул. Ну, с женщинами и в нашем возрасте случается. Но вот он-то чего? Крутые, они же с телками гуляют.

– А как мужик этот? По тебе глазками стрелял?

– Он пленный дух. Сильвия – она как Малгажатка. А чего Толик с той, думаешь? Узнал автомобиль, который у него увели. Есть мужики, которые мамочек себе ищут. Чтоб воспитывали.

– Что, этот, с «мерсом», ее младше?

– На червонец, это уж точно.

Такие вот интересные шашлычки, Виолочка.

– А как тебе скрипач?

– Который дуба врезал?

Нет, скрипач ей никак. Раз заходил. Ну никакой. Он больше со стороны Сильвии, чем с Толиковой. Когда это случилось с ним, Толик сказал Малгажате: «Ну, теперь плакала скрипочка. Сильке не доказать без меня, что это ее, а я вот хрен ей собачий подпишу».

– И не подписал?

– Да куда он денется. Сильвия горло перегрызет – за антиквариат. Ну, так что мне с Даниилом светит?

– Я к тебе позвоню и все, как зеркальце, скажу. А пока... – заунывно:

Наш костер в тумане светит-и-ит...

Действительно – в тумане. И ежик ходит вокруг да около, которому всегда все понятно. А ведь есть и другие дела, люди ждут их безотлагательного решения.

Вчера звонила Райка: брать ей «айву» – кредит по-ихнему. В самом центре, под квартиру угол Арлозорова. Названия все наши: одни арлозоровы да невзоровы. Когда дают подо что-то – брать. Это беспроигрышная лотерея. Класть на программы, под проценты – нет: придет серенький дефолт и утащит во лесок. Бери «айву», Райка. Нет, так варенье из нее сварить. Скормишь своим клинеткам, на весь «салон красоты» хватит.

С тобой, Райкин, все ясно. А вот как можно кого-то насмерть приколоть точкой к нотной бумаге? Если понять это, то и «кто» и «зачем» будут бесплатным приложением к журналу «Нива», угощаю, Вильфрид. Только бесплатных приложений, как бесплатных угощений: чем-то да расплатится. Конечно, с ним легко: где? кто? куда? – тут же выдается информация: Лаптев, Морей Александрович, почетный

гражданин Кипра. Квартира на Муттерштрассе – на бывшую тещу, которая сама живет с дочерью и внуком в Констанце. Много разъезжает, и с Силькой и без. Сейчас улетели в Украину с льняной болоночкой: наф-наф, нуф-нуф и тяф-тяф – небось тоже у Пьера стрижется. Назад – открытая дата. («А ведь Альексией Антре-евски там живет...» Вильфрид, не трожь, это святое.)

Известно, что Виола входит в ключ с полоборота. И выстукивает этим ключом: «Как отравленную наживку насадить на крючок в нотах?» Если б ключ был скрипичный или басовый, или альтовый, или теноровый. Но Виола нот не знает, все по слуху.

(«Hillardsen...» – «Вильфрид», а Симон Вольф – кто он по профессии?»).

Нет, конечно, с ними удобно работать. Они как китайцы: сделают все, что скажешь, а сами придумать ничего не могут.

Симон Вольф работал в областной челябинской филармонии... Спасибо, вы свободны. Чук-чук-чук-чук-чук!

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне отановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

Тпру!

Интересно знать, он сейчас дома или на гастролях? Всюду дается его сайт, а телефон... и телефон дается.

Чук-чук-чук!

Наш бронепоезд, вперед лети,
А не запасном стой пути...

Ну, пожалуйста, милый сфинкс. Две отгадки – и дело в шляпке. Ответь, как точечка на бумаге может сделать бо-бо отравленной иглой, – раз; и кто ей сказал: без двадцати восемь и ни минутой позже – два. В трубке она бы сразу узнала голос Германна: «К вам умирающий зовет».

Вот когда глупое рассудочное «зачем» – победитель. Вот когда, поняв «зачем», понимаешь «кто». И тогда «как» – это уже вопрос техники. Как с теми фотокарточками в газете. Она дает голову наотрез, что первая фотокарточка – деза: мол, скапуста девушка, не ищи ее больше. А ей в ответ: кому другому рассказывай, от меня не спрячешься. И ту же карточку – в отдел знакомств для некрофилов.

Позвонить к Симону Вольфу? Использовать фактор внезапности? Это еще вопрос, дает ли он преимущества. Но, по крайней мере, ответ на вопрос, чего стоишь ты, он дает.

Не готовишься к бою – рассчитываешь на слабость врага,
Который введен в заблуждение твоей беспечностью
И изведет себя наступленьем во тьме.

Мастер Дзэн

И какие картины в мечтах не являлись! Единоборство доброй волшебницы из Винницы и чахлыка невмырущего из Челябинска. Состязание двух бардов: один пел с утра до ночи и до кровавых мозолей бил по струнам, а другой только встал, как первый тут же признал себя побежденным. Это известная картина. А еще одна, «Сказка двух королей», как они разыгрывают шахматную партию. Малгажата, раз она художница, должна ее помнить. Да только какой из чахлыка король? Она ему мат с первого хода пропишет.

Женский голос:

– Вы позвонили по контактному телефону с космосом, – звучит музыка, та, что в фильме, где вначале про обезьян – когда восходит солнце. А затем голос космического Одиссея: – Люди зовут меня зовут Симон, по крови я Вольф. Я озарю ваши радары космическими лучами. Вы неподвластны отныне темным снам земли с ее пороками, болезнями, несчастьями в личной жизни. Для этого вам надо только три раза нажать цифру шесть. Одна минута разговора со мной стоит, – вклинивается женский голос: – Драй кома ахт цвай марк.

Стоп, не дурак ли я. Положила трубку, и в мудру. Все предстало в новом, космическом свете. Нет, не потому что минута стоила под четыре марки. Назвавшийся Симоном говорил голосом покойного Фидлера. То есть наоборот. Или как раз не наоборот, за Фидлера тогда говорил Симон. То есть неважно, кто – за кого, важно, что тот же голос. Она еще подумала: прозомбириванный. А он из космоса.

Поединок закончился, не начавшись, чего и следовало ожидать.

Снова набрала номер, послушала музыку, нажала число зверя – как в «Проклятой книжке», приятное совпадение, – и по бумажке все прочла. Записала, чтоб не запинаться.

– «Я не умирающая, которая взывает, и не буду ждать перед входом в культурный центр “Унзер Фрейлахс“. Надо сказать таксисту, чтоб ехал в кафе “Пазолини“. Ровно в семь сорок, ни минутой позже. Иначе случится непоправимое. Затычки в нос уже не помогут».

Э, так он читал по бумажке чужое, вот почему неживым голосом. Есть одна подсказка: кто написал, тот про затычки знал. Сколько лет прошло, сколько зим! Толя? Через несколько минут звонок. Не удивилась: отпечатался ее номер. Естественно, не подошла: раз сказала, что в «Пазолини», значит, в «Пазолини».

Звать Вильфрида в понятие? А если космонавт наострит лыжи? Вырулится у него в башке, что это – явка с повинной, а так я не я и корова не моя. И будет она на своей свадьбе гулять одна, дура душой. Какова вероятность, что придет? Если в процентах, то как на выборах в Верховный Совет. А чтобы Вильфрида звать на реалитишоу, нужно быть уверенной на все сто. Нет.

И не пожалела, что не позвала. Чахлык влетает – такой испуганный насекомый, что победа над ним в глазах Вильфрида, разве что если б в глаз попал, чего-то, может, бы стоила. Суетится: где? где? где? Она – Виола Вещая? Он должен ей сказать...

– Да, я Виола Вещая, а что?

– Вы звонили, и я хочу...

– А, так это вы космонавт? Я же не знаю, дорогой мой молодой, вы же не представились. Или воображаете: раз ваш фоторобот каждый день в газете, то я знаю вас в лицо? Подсаживайтесь. Чай, кофе, капучино, «Валенсия»? Я недавно приняла телефонный звонок из космоса. Читали по готовому. Кто вам написал?

– Я сейчас все объясню.

– Не объяснять нужно, а отвечать. Повторная экспертиза установила, что Фидлер умер насильственной смертью, а вы ее предсказали. Вы обрываете мне телефон, а токсин иностранного производства. Этим заинтересовались компетентные органы, меня как честную ясновидящую попросили оказать содействие. Кто передал вам ноты?

Не знает. Ему прислали суп-с...

– Что он мелет, какой суп?

– С УПС. «Юнайтед Пакет Сервис». Это по-английски.

Упс-шмупс...

– Хорошо. Какая первая мысль: пакет от мужчины или от женщины?

– От женщины. В форменной одежде была. (Дурак.) И записка вложена.

– От руки или на компьютере?

– На компьютере. Я эти ноты должен якобы в редакции найти и сказать: здесь умрет не Моцарт, а другой. И все сбудется – я же хочу, чтоб все сбывалось, что ни предскажу. А кто не хочет – вы, что ли, не хотите?

– А почему в нотах одни кружочки беленькие, другие черненькие? Это связано с черными и с белыми клавишами?

Он уже не помнит, им когда-то сказали на уроке пения, сто лет назад. (Что, Кощей такой бессмертный?)

– А кем же вы тогда в челябинской филармонии работали?

– Иллюзионистом-эксцентриком.

– У кого-то что-то из-за уха стибрить? Или из-под стола, да, молодой мой? А фокус «Спящую красавицу» знаете – как уколоть отравленной иглой на расстоянии? Это элементарно делается.

Боженьки, чудо: невмырущий помертвел.

– Вот «Валенсия». Пейте соков натуральных, а то бык забодает. (Когда отпил.)

А ко мне позвонить?

– Это в другой раз.

– Тоже суп?

– Нет, заказное. Надо позвонить и прочесть вслух что написано. А потом повесить трубку.

Заказное из Ростова... Пастернак Борис, борись, получи и распишись... чингачгук-чингачгук-чингачгук... поехали с орехами...

Приехали! К Фидлеру звонила женщина. «Шершавь ля-фа», – так слышалось, когда Борис Борисович поучал по-французски: ищите женщину. Вот Лешечка и нашел себе... Позвонила и, наверно, в любви признавалась. А Фидлер размечтался: вдруг шестнадцатилетняя. И тут Виола. Стыд какой. Силька ведь тоже о затычках наверняка помнила. И музыкальное оформление – она же. Мужской голос, чтоб к Виоле звонить, позаимствовала у космонавта, а женским мы и сами с усами. Вот сейчас, вещенькая моя, задействовали-ка фактор внезапности.

– И что же Силька говорит?

– Кто?

– Дед Пихто. Этот кадр вам знаком? – показывает газетную вырезку: «Кто располагает какими-нибудь сведениями об этой женщине, просим откликнуться».

– Но она мертвая.

– Я не о самочувствии ее справляюсь. Знакомы?

– Никогда не видел.

«Никогда не говори “никогда“», – гласит китайская мудрость.

– К зубному вы к кому ходите?

– К Толе Талю. А зачем вам?

– А затем, что принадлежность трупа устанавливают по пломбам и коронкам. У зубного врача хранится вся документация, все рентгены. И Лаптева не знает, Морей?

И Лаптева не знает.

– Спасибо, вы свободны... Нет уж, «Валенсию» свою допейте. Я за вас допивать не буду... бээ...

Чего это все к Толику ходят?

Может, далеко и не продвинулась, но на винницком плацдарме закрепилась. Надо бы и впрямь слетать к Райке, в «салон красоты» сходить.

Винница-красавица, всем евреям мать,
Мы тебя и в Африке будем вспоминать.

Райка когда-то в школе тетрадями стихи писала, теперь – только поздравить кого с юбилеем. У нее особый дар, она и в Израиль из-за этого поехала: любое

слово, любое предложение могла тут же справа налево вывернуть. Ей учительница, русская, шепотом сказала: «У тебя, Шпильман, генетический атавизм».

А на самом деле Виола ее научила. Они маленькие были, еще на Гомельской жили, это потом на Города-героя Ленинграда квартиру дали – как инвалиду ВОВ. Гомельская – самый центр, тридцать пятая школа. Окно в окно продуктовый подвалчик, где они с Райкой сок пили, – вишневый дорого и кисло, а яблочный – им тетя Лара по полстакана разливала – и слаще, и в два раза дешевле. Всегда чего-то фруктового хотелось выпить. Вот томатный – нет, а яблочный – да. Если б ей сказали, что она когда-нибудь будет пить «Валенсию»...

«Райка, а знаешь, ищово ыткурф?» – «Ищово?» – «А вот читай», – и пальцем ведет по вывеске «фрукты овощи», но с другого конца.

Райка с тех пор только так стала читать, даже на нервы действовало. Стихи тоже так насобачилась писать – туда и сюда, без разницы. Пифагоровы штаны во все стороны равны.

«Я тебе язык иврит тут же выучу, у меня генетический атавизм». А в Германию не захотела, черного треугольника испугалась. Вот переселится Райка на угол Арлзорова, тогда она слетает к сестре, вспомнят, как в тридцать пятую школу ходили.

Винница-красавица, всем евреям мать,
Мы тебя и в Африке будем вспоминать.

А если еще допустить, что Африка и Азия это в общем-то один черт, то поток обращений к ней, получается, шел со всех континентов. Израиль занимал в нем почетное второе место. И «Арлзоров стрит» помнит сзади на конверте. А письма из разных городов – значит, он там как Ленин. В одной книжке прочтет: вождь еврейского рабочего класса. Самый короткий анекдот: еврейский рабочий класс... Нет, еврей-самурай, пожалуй, короче.

А читала она о нем, где б вы думали? В богадельне в Потсдаме. Что пулей вражеской сраженный, он песню допеть не успел – читала. А еще, что эту тель-авивскую Фанни Каплан так и не поймали. Это случилось в тридцать третьем, когда век был ровесником Христа. У них в Потсдаме богатейшая библиотека – для пополнения знаний. Полоумным старухам из бывшего Со-Со она нужна, как сбоку бантик... или уж где он у кого расположен.

Не получилось встряхнуть банку, в которой «наша мама» была заспиртована (как правильно заметила девушка Лена).

– Да что вы, она родную дочь не узнаёт, – сказала заведующая. Еврейскими богоугодными заведениями в Германии заведуют только русские: а по-каковски иначе прикажете общаться с экспонатами?

– *Понял.* А я здесь по делу. Ну и думаю: навещу заодно и бабулю, трягну старинной. Силечка на месяцок отъехала до Крыму.

Про дочку заведующая знала лишь, что там «шестисотый мерс».

Виоле, снискавшей известность на всех континентах, достаточно намекнуть, кто она, и кругом море подобострастия, океаны радушия. Угрюм-реки словно не бывало – того чувства собственного достоинства, как оно понималось обслуживающим персоналом.

– Так это вы тогда нашли Антона, сына наших друзей? Он уже большой, наш Антоша.

Лягушонок квакнул на помощь других лягушат, и не прошло минуты, как Виоле поднесли золотой ключик с голубой каемочкой.

– А это у нас библиотека, – квакал лягушонок с гордостью, – люди поступают к нам со своими книгами. А здесь у нас концерты проходят.

– У вас Фидлер играл...

- Да. Какой ужас, а? У меня в кабинете его скрипка хранится.
- Не понял.
- Очень просто. Принадлежала вашей знакомой бабушке, еще ее отцу. Дочь отвезла эту скрипку сюда.
- В кабинете между шкафом и стеной обыденно стоял скрипичный гробик, как будто заведующая и сама грешила этим делом.
- А можно посмотреть?
- Все-таки не гитара. Гитару хоть раз в жизни каждый подергал за струны – в турпоходе у костра, Девятого мая у вечного огня:

Землянка наша в три наката...

- Это огонь – вечный, а Виола не вечная. Вещая – да.
- Заведующая кивнула. А правда, что она видит с закрытыми глазами?
- Ну, это и есть вещая. А они мне: «Вечная». Вещая – это кто выход в темноте находит.
- В переносном смысле?
- Только в переносном. В прямом кто хочет найдет. Особенно если знать расположение. А это что, те самые ноты?
- Да, те самые.

Написано от руки черной тушью. «Амадеус, Амадеус. Концертная фантазия для скрипки соло на темы “Реквиема” В. А. Моцарта». Как сбоку бантик, имя автора: Сильвия Таль. По центру: «Первому исполнителю А.Фидлеру». (Бойся данайцев.) Интересно, рискнет еще кто-нибудь исполнить. Вот она, надпись: *Моцарт падает бездыханным.*

- Я хотела бы взять на несколько дней эти ноты? Не беспокойтесь, я верну.
- Думаете, сможете понять, как ему это удалось?
- Кому – «ему»? Ах этому – накаркать... Ну, конечно, смогу.
- Библиотеку осмотрела из чуткости, уж очень заведующая ею гордилась. И чуткость, как всегда, не подвела. Книжка называлась «Одинокий волк» или «Степной волк». Полистала и напоролась на этого Арлозорова – как его убили. Улицы сами просят, чтоб их называли в честь убитых. Хотя еще неясно, будет ли дом престарелых евреев в Потсдаме стоять на Фидлерштрассе. Все зависит от мотива, который в отношении деяния первичен, – мы же на родине классического идеализма. За справками обращаться по телефону...

- Hillardsen...
- Это Виолина. Я видела скрипку, я взяла ноты.
- Если не в «Пазолини», то где они еще могут встретиться? В Берлине число столиков на душу населения растет.
- Что? – на вопрос, а не поужинать ли сегодня вместе. – А где?
- У Вильфрида страсть к ядам, а она знает пару местечек, где кормят отравой.
- Что? К «Исаичу»?
- Отличная мысль: то, что ему доктор прописал.
- На прощанье Виола попросила взять этого «Волка», она вернет вместе с нотами.

– Что вы, конечно, берите, – обрадовалась заведующая.

Виоле что-то в убийстве вождя еврейского рабочего класса не понравилось, надо прочесть повнимательней, но это уже после ужина в типичной русской обстановке. «Исаич», обещавший ее, свое слово сдержал. Мрак, под музыкальную программу по стенам кружатся снежинки от двух шаров.

Свеча горела на окне, свеча горела...

– пел клавишник Александр, а три девушки «это» танцевали: Вера, Надежда и Любовь. Это за одним столом, составленным из двух, отмечают Филиппов пост. Большой выбор мясных и рыбных закусок, в салатницах титульный салат «исаич» и салат «оливье». Хорошо идут под «премиум-платинум», вчера собранные в бело-русском лесу и посланные с проводником маринованные подосиновики. И уже несут солянку по-киевски.

– Ну, что ты посоветуешь? – Вильфрид отдался по-детски доверчиво изучению меню. – А что значит «вологодский блин»?

Виола переадресовала вопрос бравшей заказ «Аленке» – как было написано у нее на значке, а официант-парень носил значок «Кузька».

В ответ смиренное бляенье двоечницы:

– Ну, такой... с начинкой... печенка там, шпек, грибы, лук-еврей... («порей» – слово спутала).

– Это вкусно?

– Очень... – Неожиданно прочувствованным шепотом, которому только очень дурной человек не поверит. Даже закрыла глаза.

Хорошо, ему вологодский блин.

– А я только пить буду. Соки какие у вас есть? «Валенсия» есть? Давайте. А что у вас на сладенькое? А торт «Прага» есть?

– Вот ноты, – сказала она, когда заказ унесли. И пока не принесли заказанное, Вильфрид изучал их почти как меню.

– Вот здесь, – она ткнула ножом куда-то вниз нотного листка, – видишь, по-русски написано? – читает по складам, словно от этого ему станет понятней: *Моцарт падает бездыханным*.

Кивнул, скорее с выражением понимания, чем недоумения:

– Ля первой октавы, – нотная грамота для него не филькина грамота. – Фортиссимо...

А этого он не понимает, специальное обозначение – он имел в виду римскую четверку.

Виола высказалась за проведение следственного эксперимента при условии, что скрипач не будет русским.

– Боишься рисковать жизнью соотечественника?

У немцев ироническое чувство юмора, уже привыкла.

– Нет, он может догадаться. Об этом в русских газетах писали.

– Японка подойдет?

Шутит. Нет, оказывается, и вправду есть одна японка, которая играет на скрипке. Ее отец – работник посольства, а она здесь учится.

– У каких-нибудь русских?

Он выяснит. Вряд ли. Учиться у русского японца будет в России. В Германии он предпочтет немца. Людям подавай оригинал, особенно японцам.

А он сам не боится рисковать жизнью дочери своего японского коллеги?

– Я не говорил, что мы коллеги. Нет, не боюсь. У нее будет только два слушателя, ты да я. Надо ноты переснять.

– На экспертизу их не надо отправить?

– Куда, во всемирную ассоциацию чернокнижиков?

– Ну, блин... – ахнула Виола.

Он был огромный, сложенный конвертом, с печенкой, шпеком, грибами, луком-евреем, – все как обещано. «Аленка» держала тарелку с краешков, так горячо.

– Где это – Вологда, на севере? – спросил Вильфрид, мысливший глобально, а не в масштабе дистрикта.

Он по-детски доверчив не в том, что касается географии, – этот урок уже усвоен: снаряжать экспедицию в Вологду Вильфрид начнет с приобретения собачь-

ей упряжки и валенок. Но непосредственно на месте вдруг выяснится, что сами местные про свой блин и слыхом не слыхивали, не говоря о том, чтобы вкусить. Зато, предприимчивые и гостеприимные, вологодичи предлагают приезжему исконную свою специальность: шिश с вологодским маслом. «Но он точно оригинальный?» – спрашивает приезжий.

После чего ест и не морщится: для гастроуриста туземная кухня не делится на «вкусную» и «невкусную». Наша позиция по данному вопросу неизменна: критерием является подлинность. Как несть еллина ни иудея, так несть великих ни малых национальных гастрономий. Недаром для нас «кухня бушменов представляет не меньший интерес, чем французская». Так сочетаются в одном лице глобалист-политик и антиглобалист-культуролог.

К этому бы еще стопку настоящей русской русской водки. «Ельцин» – настоящая, как по ее мнению? А «Горбачев»? А какая настоящая, «Путинка»? Эй, «Аленка!» «Кузька!» «Путинки» у вас нет?

– Вильфрид, – сказала Виола, – ничего, что я пока буду есть «Прагу»? Я ем очень медленно, тридцать раз прожую, прежде чем проглотить. Ты еще успеешь у меня попробовать. Ах да! Ты же не знаешь, я встречалась с Симоном Вольфом. Сейчас расскажу тебе историю...

Такие истории хорошо закусывать «вологодским блином». В завершение Виола дала высокую оценку проделанной ею работе:

– Вещенькая это вещь, как видишь.

Имеет право. Все было сыграно ею как по нотам. И при этом доиграла до конца, не то что некоторые. До самого донышка: Симон больше, чем он рассказал, действительно не знает. И на том спасибо. А то ведь с трюху нагородят больше, чем знают, потом иди свищи. Что яд вводился посредством телекинеза, это ему хоть ясно? И что Силька не одной лишь музыкальной частью ведала...

– Кто?

– Дед Пихто... Сильвия Таль, что с бизнесменом Лаптевым. Уж она-то хорошо знала, что Виола Вещая никому не отказывает в помощи. А тут умирающий взывает. Свинство. И не разубедишь его. Ту-ту, поезд ушел. Он остался сидеть в отцепленном вагоне, и в памяти это уже навсегда. Как лицо убийцы в зрачке убитого...

Что она имеет в виду?

– Ты что, никогда не слышал о феномене мертвых глаз?

Достаёт газетную вырезку.

– Хотел бы с ней познакомиться? Предлагают.

Вильфрид покачал головой: загадочные славянские шутки. А почему она так уверена, что это была фрау Таль?

– А затычки в нос – то, что они не помогут. Кто еще мог о них знать? Либо она, либо Толик, ее муж. Фидлер сам об этом никому бы не стал говорить: «Такая вонь, ребята, идет от моей игры, что затычки в нос понадобились».

– Какие затычки, в какой нос?

Объясняем, доступно: Моцарт, когда на своей старенькой скрипочке играет, испытывает боль в плече, нестерпимую. Виола просчитала ее четко: Моцарт стискивает зубы, как припадочный, вот где-то и зажало нерв. Ну, прописала ему затычки в нос: чтобы ртом дышал, когда выступает с концертами. И все прошло зимой холодной. А то был бы привет горячий.

– Но этот зубной врач, он тоже знал, не только его жена.

– И говорил по телефону подкованным голосом: здравствуйте, я Виола. При том, что они с женой уже два года врозь. А Фидлер всегда водил компанию с Силькой, он – ее подруга. Вместе учились. И даже играл на скрипке ее деда, на старенькой. Между прочим, антиквариат. Я тут от Леночки одной приняла сенсетив-сигнал, должна еще отследить источник.

Справившись с «вологодским блином», Вильфрид заказал себе «чай по-купечески», но без баранок, а попробовал кусочек «Праги» у нее. Расстались на том, что о времени и месте проведения следственного эксперимента условятся, как только он войдет в контакт со своей японкой.

Говорится, место встречи изменить нельзя, а здесь место смерти изменить нельзя. Не время смерти фиксировано, а место. Мир полон чудесных явлений. Японка – и играет на скрипке, это ли не чудеса в решетке? Посильней, чем еврей-самурай. От Карабаса-Барабаса куклы прятались, а он их выманивал. Как с Фидлером. Правда, те прикидывались неживыми, а Фидлер наоборот: игрушечный человек хотел казаться настоящим.

– Знаешь, одно просчитано мною четко: зачем-то Фидлера понадобилось перед самым началом выманить оттуда, где он находился. Тут и пошли звонки.

На этом они расстались, обменявшись энергичным рукопожатием.

К слову, о рукопожатии: сенсетив-сигнал от «одной Леночки» относился к делу Фидлера лишь косвенно – в подтверждение того, что мир тесен, и дела в нем трутся одно о другое. Но в трении рождается истина. Разумеется, «если считать истиной то, что ею является» («Камасутра»), а не изобретать велосипед. «Сколько тебе? – спрашивала Виола у Лены. – Уже пора перестать предохраняться».

Она ей сперва назначила в кафе. Это было накануне, но та приболела, даже в праксис не пошла, осталась дома. И впервые за много лет Виола пришла снова в этот самый дом. В комнате, где когда-то рос фикус «нашей мамы», спят Даник и Ленок. Ниже обретался Толик со своей «новой мамой». А кстати, где она? Да кто ее знает, Малгажата дома редкий гость – вечно носится по своим кукольным делам.

Гостиная внизу сплошь была увешана ее работами. Колготки, начиненные ватой, превращались в живых существ, которым не повредила бы диета. Пугала, бородатые, патлатые... те самые Яковы.

– Музей кукольных фигур, – сказала Виола, осматриваясь. – Ну и морда! Карабас-Барабас.

– А это он и есть. Для спектакля «Золотой ключик». Московский театр, когда приезжал, ей срочно заказал. Своего им на таможне разломали.

–А она с кого-то делает или из головы? Это Толик, верно?

Лене весь ее расклад, как в зеркале, показала:

– Тебе уже сколько? Раз приболеешь, два приболеешь. Не предохраняйся, слышишь? Это по-любому, будешь ты с ним или с кем другим. Не откладывай, рожай. А то смотри, поезд – ту-ту. Не думай, что молодая. У Лоуэлла сказано: «Вопрос “быть или не быть?” сменился вопросом “иметь или не иметь?”». Что это значит, если популярно: одни боятся иметь детей, другие боятся их не иметь. Тебе надо бояться не иметь. Вообще я тебе вот что скажу. Даник – парень для тебя подходящий, но скоро здесь дурдом начнется. Его мамаша в негативе, смотри, чтоб это не вызвало энергетический криз. Данику новая мама нужна. Толик себе маму благовременно выбрал. Вспомнишь, что я тебе сказала. Поэтому либо ты в ближней перспективе родишь и будешь обоих нянчить, либо сваливай к другому. И помни: женщина рождает для себя. Не чтоб мужа осчастливить, и не для матери-родины, чтоб та бездетной не осталась. Женщина рождает, чтоб не было мучительно больно за прожитую черт-те с кем жизнь.

«За прожитую черт-те с кем жизнь...» Саша, сосавшая сушки на шоссе, тогда грозилась мужа убить. Сливала информацию. В расчете, что он следит за ней и тоже сунется к Виоле: мол, баба моя чего от тебя хотела? Ну, забашляет – Виола и выложит: так и так, боится, что убьет тебя, патлатого. А он струхнет и отстанет. Думали, за бабки Виола Вещая медицинскую тайну откроет. А вот флаг тебе. Это к Матрене Львовне надо было обращаться, которая в платочке.

Сорвалось через Виолу пугнуть патлатого, давай ломать комедию с фотографией. Небось Малгажата надумила. Художница. С ее помощью чего стоит покойницей на карточку сняться. Термопоток слабенький, кто там уловит.

Стыдно сказать, Виола опростоволосилась с Приднестровьем: видит, цыган, ну и не стала считать. А в Каунасе ихнего брата тоже немерено. Просто с Приднестровья можно было на азыль подавать, а прибалтам с какой стати азыль просить, к ним самим просятся – те же армяне.

– Ну, смотри мне, не болей.

– Спасибо тебе громадное.

Прежде чем уйти – как перед Сикстинской мадонной – долго стояла перед Карабасом-Барабасом. Действительно он – или совпадение? С одной стороны, тождество миров, клеток, атомов – это базисный принцип дзен-буддизма. Отсюда «то и это одно и то же». Отсюда «самопознание через познание других, и познание других через самопознание». С другой стороны, у Якова, того, была в точности такая же бородавка угол носа и косматой брови. А людей с бородавками на лице сегодня раз-два и обчелся: у всех водопровод, колодцев больше нет в заводе. Откуда взяться жабам бородавчатым, главным их разносчиком?

«Была не была», – сказала себе Виола по размышлении, сопровождавшемся верчением со скоростью белки в колесе одного большого пальца вокруг другого. То от себя, то к себе – то как наверчивают тфилин украинские хасиды, то как это делают белорусские ли'тваки. На конверте, который она запечатает, будет номер почтового ящика, указанный в газетном объявлении, первом из двух, чей смысл сводился к почти евангельской заповеди: не ищите, да не найдены будете.

Виола писала:

Здравствуй, дорогая «Угадайка»!

Пишет тебе твоя бывшая слушательница, которая не пропускала ни одной твоей передачи. Почему нельзя было честно спросить совета? Мама всякие нужны. С сексуальном рабством надо бороться законными методами. С моей помощью закон всегда будет на стороне ребенка. А теперь мой совет Саше с сушками: не запирайте Риту на золотой ключик в сказочной стране. Имеющий ушки да услышит. Как честная ясновидящая, берусь оказать содействие – парни, парни, это в наших силах. А теперь мой совет Малгажате: всякий шантаж тоже имеет срок годности, а Яков трус. Он, как кукла Карабас-Барабас, видом страшный, а скажешь: «Чтоб у тебя борода отсохла», сразу врассыпную. Пасть можно только низко, только это падшие создания, остальные по истечении срока годности амнистированы. Ну, подумаешь, поработали вы с Сашей на шоссе двоечкой. Это было время попутных машин с востока на запад. В мирной жизни страх разоблачения хуже самого разоблачения. Малгажата местоблюстительница той, которая скоро убедится в этом на собственной шкурке: «Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь».

Привязался мотивчик из оперетты. Кто-то поверил Фидлеру, что он с помощью телефонной книги умеет превращать абонентную сеть в агентурную (не иначе как экспертиза подтвердила подлинность «Купанья красного коня»). В смысле мотива ситуация становится под контроль. Сама видела детектив: украли антикварную скрипку за миллион и хотят вывезти ее за границу. А не краденую, доставшуюся от бабушки, что, ее дали б вывезти за просто так? Фидлер знал, что нет, потому и играл на ней сколько влезет.

Скажут: «Наша Силька? Кончай, сколько ей было, когда она уехала, сколько лет прошло?» А вот с таких и брали подписку, с дальним прицелом, а за это бабушкину скрипку разрешали взять в самолет. Шабтаю Калмановичу и вовсе двадцати не было, когда уехал – из той же Прибалтики, не из Каунаса ли? Чуть помощником министра не сделался в Израилровке, миллионы нажил, пол-Арлозоровки мог ску-

пить. И нате вам, шпиён. Так бы и сидел, если б не Иосиф Кобзон, добрая душа. Об этом все русские газеты трубили.

Силька над скрипкой трясется, а трепло это ее возвращать не спешит, может, на что и намекнул даже. Она просигналила: скрипач опасен, даешь антисептику. Мотив Виола подарит Вильфриду. Не жалко. Ей мотивы даром не нужны. Райка двести тысяч ихних тугриков должна банку. Случись что с инкассатором, она под подозрением: у нее был мотив его ограбить.

Почему не нашли убийцу Арлозорова? Да потому что мотивов уйма, а убийцу выдавал лишь способ – единственный, которым он мог воспользоваться, чтобы остаться вне всяких подозрений. Но танцевали от мотивов, спорили о мотивах. В результате убийца дожил до седых волос. Не было на них Виолы в ту ночь, 16 июня 1933 года. Вот слетает к Райке на новоселье, тогда и скажет им, кто на самом деле грохнул вождя Сохнута. Ахнут.

Только подумала о мотиве убийства, который будет презентован Вильфриду с выгравированными на память ее и его инициалами: VW, как он уже звонит. И пусть после этого твердят о случайности сцепок.

Все сущее имеет быть токмо в озарении нашего о нем помышления, а посему, явленное нам, всенепременно удвоено собственной же тенью.

«Так говорил Дао»

И тут же, не отходя от кассы: Вильфрид звонит сказать, что сговорился на сегодня со скрипачкой-самураем, а сегодня у нас «изречение дня» («Земели» их теперь в каждом номере дают, эпиграфом к «Дао»):

Поощрение столь же необходимо виртуозу, сколь необходим канифоль смычку его.

К. П. Прутков

Виртуоз, виртуоз, ты куда нас привез?

Вильфрид заехал за нею в три. Сердце билось в параллельном режиме. Сама виновата: попробовала обойтись без цигуна. Вот и получила – любовь и здоровье не испытывают. А Вильфриду хоп что. «Стареет гадюк, – подумала не без раздражения. – И ездит на таком же вылизанном до бесчувствия “скарабее-кабрио” с тридцатилетним стажем работы».

– Вильфрид, а у вас на пенсию уходят?

– Еще как.

– И что ты будешь делать?

– Поселюсь на Канарах и буду писать детективы под псевдонимом «Канарис».

«Мотив, что ты мне подарила...» – такой запоминающийся, что сам собой напеваешь со словами: «Низы психанули или сверху дали отмашку – не суть (может, нету ни верха, ни низа, а есть предоставленная себе самой горизонталь, испугавшаяся за свою шкурку). Их переполошили новейшие достижения в области алхимии: поколдует Фидлер над телефонной книгой, и проступят в ней все имена. Золотыми буквами».

К своей чести, Вильфрид пересилил в себе профессиональную ревность. До сих пор было так: на все, что б ни говорилось ею, семь раз отрежь «нет» и только на восьмой отмерь. «Дорогой мой чоловік, – думаешь, – на крайнем скепсисе далеко не уедешь, разве что в собачьей упряжке». Но на этот раз, выслушав, он не ударился в амбицию, а сделал лицом, что, мол, все возможно.

Проезжая Генерал-Рюдигер-Баннхоф, влетели в цветочный магазин – и через секунду вылетели оттуда с пятью белыми хризантемами. Ровно в полчетвертого

(классическое время их с Вильфридом файф-о-клока) его указательный палец нажал кнопку звонка – и через секунду отпустил. Четкость во всем до последней мелочи. Кажется, ты на боевом задании.

Виола, понятно, не узнает, как, каким мотивом отозвалась кнопка звонка в квартире сотрудника японского посольства. Он жил на втором этаже обычного дома, без признаков экстерриториальности.

– Квадтида Мудаками, – и не дожидаясь ответа: – Откдываю.

Зеркала, красная дорожка, сверкающие перила, жильцы, когда встречаются на лестнице, взаимно вежливы, в доме ни одного иностранца. То есть что значит ни одного – а сотрудник японского посольства?

Дверь приотворена... А хозяин-то в одних носках, ну, там в брюках, конечно, но без тапок. Не догадалась спросить, ноги мыть на большое декольте или на малое. Как учил Фрейд, в каждой шутке есть доля страха. Пусть даже чулки заведомо целые, все равно в разutom виде, когда ты в гостях, испытываешь неуверенность. Экспериментально доказано, что нисходящий поток через пятки уходит в пол, и человек превращается в бездонный сосуд: сколько его ни наполняй, все ему мало. Об этом же пишет один русский раввин в книге «Почему мы не мусульмане?», Райка прислала. Дома у них всегда гостям давали тапки. Не говоря уж о том, что ноги мерзнут. Ладно, закаляйся как сталь.

После обмена приветствиями, любезностями, улыбками, рукопожатиями, словом, всем, чем можно меняться, оставаясь при своем, вошли в комнату. Прямо чувствовала, как палас одновременно с пылью всасывает и энергию. Слава те, боженки, не пришлось на нем сидеть. Если отбросить хождение в «одних носках» и сильный национальный привкус у сладенького, то все было как в лучших домах Филадельфии: столы, стулья, диваны.

Самурай-девица выглядела разгоряченной, перед их приходом упражнялась в искусстве восточных единоборств. Стоя посреди комнаты и сжимая скрипку, она улыбнулась Виоле так, словно приглашала помериться силами.

– Кдасивое имя Виолина. Дусьское, да? Дучше дусьских скдипасей никто не игдает скдипке. Коган, Ойстадах, Кдыса.

Но учится она, тем не менее, у немца?

Нет, Виолина ошибается. Ее учитель поляк по фамилии Венгр. Она уже семестр как занимается под его руководством в Институте Боевых Искусств.

Никаких следов третьего лица не обнаружено, похоже на неполную семью. Может, ее мамик перебежала к какому-нибудь японскому Лаптеву? (Позже выяснится, что фрау Маракуми с ведома семьи добровольно ушла из жизни – с диагнозом раковым. Прыгнула с Вавилонской Башни – Бабель-Тауэр – тридцатиэтажного небоскреба в Осаке.)

Даром, что служит в разведке дружественного, да не нам, государства («Ты за луну или за солнце?» И кто за луну, тот за советскую страну, а кто за солнце, тот за пузатого японца), даром, что племянник знаменитого адмирала – херр Мураками – сейчас вылитый дядя Гриша, когда тот слушает Зиночку на отчетном концерте, бросая косые взгляды на соседней. Знать, никаких японцев нет, а все мы русские.

Штурманский палец Вильфрида водил по ноткам, указывая Виоле местонахождение скрипачки: вот мы здесь... а вот уже здесь... Смертельная точка неумолимо приближалась. Чтобы в последний момент не завизжать, как та актриса в фильме, пришлось вцепиться зубами в кончик платка.

На лице у нее улыбка, а пальцы рвут платок.

Вильфрид вспоминал про этот фильм, а она видела его буквально днями. По «Нашему кино» — по ихнему, в смысле, — началась неделя хичкоковского фильма. Во вчерашнем тоже убийство: два часа подряд, пока не находят труп в сундуке, киноглаз не мигает. Это и есть снимать кожу чулком.

Совершилось! Палец Вильфрида в черной дыре. Самурай-скрипачка быстро-быстро, коротко-коротко жужжит смычком — палец Вильфрида ни с места. Как прирос. Как в водоворот попали. Наконец вынесло. Так никто и не пал бездыханным, ни Моцарт, ни кто другой.

Виола перевела дух.

Фантазия «Амадеус, Амадеус» сыграна. Вильфрид отложил ноты и стал аплодировать. Виола присоединилась к нему, хозяин тоже, бросая «косенькие» взгляды на гостей: ну, как им его Кэйко? Пока дочь, по-заячьи насупившись, играла свое «хряп-хряп» и «бекицер-бекицер», он сочувственно кивал в такт — так берут интервью у какого-нибудь людоеда-правителя.

Венгру она «Фантазию» еще не показывала, но как только начнутся занятия, обязательно покажет: интересно, что он скажет. Лично ей очень понравилось: «Сильвия Таль дусьская, да?» Может, из вежливости, чтоб не обидеть?

Слушатели интересуются: а вот что значит римская четверка?

А то значит, что надо играть на соль струне. Это ля первой октавы (Вильфрид со знанием дела поддакнул: он же говорил), его можно сыграть и на ре струне, можно просто провести смычком по струне ля, а можно и на струне соль.

Кэйко проводит смычком по разным струнам, трижды издав один и тот же звук. На соль струне он расположен аж вон где — у нее маленькая рука, японская, ей трудно дотянуться, но таково желание автора. Зато сразу жутковатое звучание. А тут еще фортиссимо, тремоло, фермата. Слышите?

Скрипка визжит как зарезанная.

Вильфрид понимающе кивает. Но и Виола в грязь лицом не ударила:

— Фермата — это автобусная остановка.

Она ездила в Италию с экскурсией, а память у нас, слава те, боженьки, — не девичья.

— Фермата — это значит надо задержаться подольше на этом звуке, — сказал Вильфрид. — А здесь впридачу тремоло, имитирующее барабанную дробь, как перед казнью... — умолк, пораженный тем, что сказал.

Но внимание Виолы привлекло другое: а вот это, это что — то, что она сейчас вытирает фланелькой?

Струны и что под струнами припорошило снежком. Кончившая играть скрипачка его счищала.

— Это канифоль, это от смычка.

Нет, ты подумай, только сегодня читала: «Поощрение столь же необходимо виртуозу, сколь необходим канифоль смычку его». Ай да «Земели»! Изречение дня. В точку. Чу-чу-чу-чкучма... Паровоз, паровоз, ну, ты и даешь... даешь Борис Борисыча... сыча... сыча... сыча... ищи-свищи женщину, Лешечка... шершавь ля-фа... уже нашел, уже шершавит, сукин сын...

— А вот эта нота, скажите... ля первой октавы, да? Она здесь и раньше встречается?

— Конечно, полно.

И русских головок на золоте речки, как белых грибов на полянке лесной. Неужто ошиблась, ведь все сходилось...

— Вот эта самая нота? — умоляюще переспрашивает Виола, даже указала то место на скрипичной полянке.

— Ах здесь, на соль струне? Здесь нет, только когда тре...

Дальше Виола уже не слышит. Барабанная дробь! Трррр! Тррррррремоло! Криминалиссимо! Смертный приговор прочитан: «Здесь умрет...»

Собственно, можно было уходить, фокус раскрыт. Но это некрасиво по отношению к внучатой племяннице повешенного американцами адмирала и жестоко по отношению к ее отцу, который вернулся с холода, продрог, хочет отогреться, согрейте ему душу, похвалите Кэйку, которая играет на скрипке, они вдвоем остались – он без жены, она без матери.

О'кэй, Кэйка-самурайка – хорошо. (А Райка-самурайка лучше.)

– Значит, было так, – сказала Виола, едва за ними закрылась дверь.

– Погоди, ты что, все поняла?

Да, она все поняла. Значит, было так... И пусть Вильфрид не думает, она тоже играла на гитаре, хоть и по слуху. Когда-то у нее лопнула струна – на зло одному человеку, неважно. Даже шрамик остался. И долго с шестью струнами гитара провисела на стене. Пока кто-то не натянул потом, старую совсем. В одном месте такую шершавую, что можно было оцарапаться за милую душу. Один аккорд, помнит, перестала брать: «А шарик вернулся, – пэнц, перебор такой щемящий, – и он голубой». Пришлось без этого аккорда. Зачем Фидлера надо было выманить к ней? Только один раз палец прижимает это место. Зашершавить металлическую намотку – полсекунды. Дальше по части Вильфрида, он на токсинах собаку съел. (А вот Лешечку от нее не дождетесь – Сильку берите, режьте ее, ешьте ее с маслом.)

Как она догадалась? А очень просто: сместила точку сборки. Как на тоненький ледок выпал беленький снежок. На скрипке, которая в доме престарелых, беленькое было только на трех струнах, одна струна без ничего. Значит, на ней не играли. Натянула другую, новенькую, на скрипке же училась, ей это влегкую, и с глаз подальше, пусть полежит у стариканов. А ту струну куда-нибудь выбросила – долго еще в сумке таскала, надо же найти, куда выбросить.

Виола усмехается: ребусы им только сообща решать. (Вырежь их инициалы на скамейке: галочка и еще две галочки, а вместе марка его автомобиля.) Без нее теперь не обойтись. Ну, ты, гадюк, подсел. Она им такую службу сослужила, еще наградят орденом «Золотой рыбки». Выйдет на берег морской: «Смилуйся, Виолина». – «Чего тебе надобно, старче?» Надобно ловить кильку. Уже выяснено, когда она с Крыма прилетает. Ловись, Силька, ни мала, ни велика...

– А я в конце месяца лечу к сестре погостить.

– Это в Израиль? К Раисе?

Когда узнал, что у нее сестра в израильском Тель-Авиве, – проникся.

– Знаешь, где они квартиру купили? В самом центре, угол Арлозорова. Был такой деятель, не слыхал?

Как – не слыхал? Вильфрид свою шпионскую школу закончил с красным дипломом, только ударения подкачали.

– Арлозоров? Которого убили? Глава политотдела Сохнута?

– А кто убил?

– За голову убийцы назначено вознаграждение исключительно в расчете на то, что оно никогда не будет выплачено. Это история, которую время от времени берутся распутывать без риска докопаться до правды. Тебе бы ее не поручили.

Ей бы не поручили... Так она их и будет спрашивать. Ей уже сейчас есть что сказать об этом убийстве.

– Вильфрид, у меня к тебе одно дело будет... может быть. Из другой совсем истории. Еще неясно.

Полная неясность. Она отправила письмо когда – на прошлой неделе? Ну, которое на абонентный ящик, «Здравствуй, дорогая “Угадайка”». И ни ответа, ни привета. Получается, Виоле больше всех надо.

Вдруг, здрасьте-пожалуйста, телефон посреди ночи.

– Гутен таг, – посреди ночи-то.

– Гутен.

– Вечная?

У Малгажаты заскок на нервной почве.

– Вечная бывает память. Ну, чего вам? Только я уже чемоданы пакую. В путь-дорогу.

– Как? Куда?

– Какая вам разница – во французский Лион, на всемирный собор ясновидящих. Так что случилось?

– Я вынуждена была ему все рассказать. Он знает, где Рита. У него есть на нее покупатель. Сашка еще ни о чем не подозревает...

– Не подозревает... Кончай врать. Чего ты боишься? Я знаю такие обереги – ни тебе, ни ей ничего не будет. Сперва ты Ритку сдаешь, а потом к ее матери бежишь: что делать? Сколько Ритке?

– Одиннадцать.

– Берите ее и езжайте ко мне.

– Уже не успеть. Они там будут раньше.

– В полицию! Немедленно! Я тебе гарантирую, никто тебя не вышлет. Ты амнистирована, слышишь? (Молчит.) Я тебе скажу обереги атлантов. А если девчонку увезут, сгинешь на фиг. Ее звездочка закатится – как червяка тебя раздавит. Где вы ее прячете, давай по-быстрому.

– В «Гейдельбергской бочке».

– В бочке!?

– Это театр кукол на Димитровштрассе. Там же склад декораций. Какходишь, задник из «Пиноккио». Ну, из «Буратино». Нарисованная кастрюля с супом на огне. И если зайти с той стороны, железная дверь. Надо сильно постучать три раза, гулко так. Подождать, снова пять раз. Он про тот условный стук тоже знает. Сашка сейчас там, она подумает, это я.

– Ты у себя в Цоллендорфе? (Номер высветило цоллендорфский.) Я к тебе сейчас отзвоню.

– Я сама перезвоню, не надо.

Сама. Все сама. Просто чтоб знала: и телефон, и адрес – все имеется в наличии.

Ну, Вильфрид, долг платежом красен. Сейчас посмотрим, на что годится ваша контора... Ну, бери же трубку... Ты что, умер в самый нужный момент? Воскресни, черт побери...

Спросонья, хрипло:

– Hillardsen...

– Вильфрид! Айне Катастрофе! Ты помнишь кукольный театр, где мы были? Среди декораций одна нелегалка прячет ребенка от шоссейных сутенеров. Те узнали. Нельзя терять ни секунды, понял?

– Хорошо. Точно где, можешь сказать? Там сейчас будут.

Все объяснила.

– А лучше если б ты за мной заехал.

Через три минуты на другом конце улицы: ля-фа! ля-фа! Но Виола была внизу еще раньше. Малгоша позвонит, а никто не подойдет к телефону. Боженьки, что станет с ее трусиками. Сама виновата. Все сама. Мало ее кишечнику стрессов было.

ЛЯ-ФА! ЛЯ-ФА! Забралась на заднее сиденье, и дальше рванули. На Кронверкергартен подхватили Вильфрида:

– Они уже там.

Не стала уточнять, кто – «они». Кто бы ни был, другие тоже там, иначе откуда б он знал.

Уже Димитрова. Под «ля-фа» ездить по городу лафа: машины жмутся по стеночкам, как девочки. Хорошо быть первым парнем на танцульках. Райка ходила по субботам, Виола – никогда.

Странно, им навстречу проехал мотоцикл без мотоциклиста. Это было как во сне.

– Ты видел?

Мотоциклист задел бровку. На колесе нет глаз. Спасавшийся бегством, он достиг противоположного результата: лежал на тротуаре, ногами вперед – Карабас-Барабас, у которого разбежались все его куклы. Был бы в шлеме, остался бы жив, но, как известно, теряющий голову теряет ее дважды. Это сказал... Да кто бы ни сказал, важно, что прав.

Останавливаться не стали: уже подъехала другая полицейская машина. Сколько же их тут! Виола насчитала три полицейские, еще две без опознавательных знаков, и в придачу то потухнет, то погаснет «скорая». За компанию с ней растерянно мигал аварийными глазками автомобиль незадачливого покупателя, который завидовал небось продавцу: ушел. Когда узнает, куда ушел, будет приятно разочарован – без всяких кавычек приятно: чем только люди не тешатся, чтобы не плакать. Есть целая техника, которой пользуются психологи, работающие в горячих точках.

По виду это был нормальный мафиози, не местный, но и не русский – в сером гангстерском костюме в белую полоску, в наручниках. Может, Польша, может, еще чего. Когда они с Вильфридом вошли внутрь, сразу его заметила. Но преступный мир, стрельба, любовницы – это для широкой публики. Подключенные к Универсуму склоняются над жертвой. Где жертвы?

Скрывавший железную дверь холст с изображением дымящейся похлебки валялся сорванный. Виола спустилась по ступенькам в подвал, затхлый, как все подвалы, зато расписанный яркими красками – даже потолок был выкрашен в синее небо.

Малгажата потрудились, что твой Ривера. Поверх театрального занавеса, почти настоящего, был нарисован золотой ключик, повторяющий форму складок. Это ключ от города Берлина, судя по Бранденбургским воротам, по полусфере Жан-дармского рынка, по церковному жерлу и переплывувшей его в высоту Останкинской вышке.

Число двухэтажных автобусов в разы превышало число легковушек, а на каждого прохожего приходилось столько детей, что можно было смело рапортовать о многократном перевыполнении горожанами демографического плана.

У некоторых из пешеходов были прототипы. Двух Виола узнала без труда: особу в кожаной набедренной повязке, именуемой юбкой из чувства приличия, – она протягивала Ритке (а кому же еще) трубочку с развесистым мороженым, тогда как персонаж карабас-барабасовской наружности отправлялся в зеленый воронок. На тех, кто сажает его в чудо-птицу, кожаные форменки – с кожаной набедренной повязкой эти форменки связаны общим прародителем: если люди произшли от одной единственной парочки, то животные и по-прежнему.

– На сто первый километр вас не вышлют, – сказала Виола.

Это относилось к сидевшей на топчане – с таким лицом, с каким на нем лежат третьи сутки, после чего это лицо фотографируют – и на доску почета. Или в газету.

– Да оставят вас здесь, оставят. Пойдешь в школу, будешь играть с другими ребятами. Я договорилась, – это уже относилось к девочке (с того же топчана). – А мне с вами тут не фиг делать. Мне завтра улетать.

И ушла.

Видит: на улице останавливается такси, и появляется еще одна – тоже краше в гроб кладут.

Виола крикнула:

– Садись обратно и езжай откуда приехала. И не суйся.

Что Малгажата, что Силька: на всё большие глаза, не устоять. А кажется: Силька – силища, Малгажатка – мощная баба. Ну да, не без способностей, музыкальных, или нарисовать чего. Это всего лишь рукоделье, народные промыслы – там литовские, здесь еврейские. Правда, Сильке легче было: за нее кровь предков потрудились. А Малгажате самой пришлось шуровать. Поэтому за одну Малгажату двух Силек дают.

– Вильфрид, а что ей будет? – спросила Виола.

Он заехал за ней на своем доисторическом «жучке» – отвезти в аэропорт. Сумку пришлось поставить в кабину, до того маленьким оказался просивший каши багажник, тогда как мотор сидел в пятке. Кто хранит верность туалетам своей молодости, кто – маркам ее автомобилей.

– Это кому? Фрау Таль что будет? Чтобы ей что-то было, надо сперва доказать, что она что-то сделала. Этим занимаются коллеги из полиции. От фрау Таль самой зависит, насколько преуспеют наши коллеги. Например, они могут узнать, что нет следов канифоли на одной из струн – как будто на ней не играли. А могут и не узнать.

Ага. Вот как он мыслит. Когда Сильку возьмут за одно место, лучше чтоб какой-то прок от нее был, чем без толку сгорать ее энергетическим полям. По Райкину: балерина чтоб не просто крутилась, а подсоединить к чему-нибудь, и пусть ток вырабатывает.

«Начинается регистрация пассажиров на рейс...»

– Вильфрид, смотри, ты мне обещал. Эта женщина с девочкой на твою ответственность.

– Не беспокойся, о них позаботятся.

В отсутствие Виолы телефон попугайствовал ее голосом:

«Вы позвонили к Виоле Вещей, и я, Виола Вещая, желаю вам доброе утро, добрый день, добрый вечер, а также доброй ночи – смотря по тому, в какое время вы позвонили. В настоящий момент я в командировке и приложить меня, как пластырь, невозможно. Мой совет: упражняйтесь в цигуне. Лучше всего это делать перед завтраком. Пособие по цигуну можно приобрести в магазине “Книги Гржебин“...»

Для одного из позвонивших это было, как почесать зачесавшееся место – а там прыщик или укус, такая же нечаянная острота. Сейчас вспомним его: вязаная кофта, пуговицы от женского пальто. Рассеянный с Бассейной, нынче Некрасова. Человек из книжного магазина – и вдруг слышит про свой магазин.

Никогда б не подумали, что он позвонит? Обязывала, очевидно, визитная карточка в первом акте: Виола Вещая, номер телефона. Мол, звоните, если что. Причиной –приснившийся сон. Вначале и не помышлял ни о каких толкователях снов. Сдетонировало то, что ее визитной карточкой была заложена четыреста девяносто четвертая страница второго тома «Иосифа», томасманновского.

А сон и вправду из тех самых «чудных снов». Он перешел Аничков мост, но идет не по солнечной стороне, а мимо Аничкова дворца: служит в Публичной библиотеке. Но прежде надо зайти в «Книжную лавку писателей». Перебегает Невский (ну, это, положим, читал накануне некролог Жожаяна). «Скажите, – спрашивает у продавца, интеллигентного старичка, – я ищу “Образы Италии”, первоиздание». – «К сожалению, мы не можем вам его продать. Наш экземпляр, в прекрасной сохранности, предназначен победителю литературного конкурса. Вы не подходите по возрасту». – «Жаль». – «Очень жаль. Может, вас заинтересует “Эгерия”, могу предложить», – снимает с полки. «А сколько это будет стоить?» – «Косая», – резким, изменившимся голосом. Похолодел: да и впрямь ли это старый интеллигент – вон какие лапы, вон какие когти. «Но я не знаю, сколько это, я давно не жи-

ву здесь. И потом, в каком она состоянии... Что это, след от пули?» – Открываю и читаю: *Адольфу Гитлеру – Павел Муратов.*

Декабрь 2006 – 22 апреля 2007